

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

МЕЖДУ ФЭНТЕЗИ И НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКОЙ

18+

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Холодное лето
1402-го

01

Сергей Руденко

2021

Сергей Владимирович Руденко
Холодное лето 1402-го. Том 1
Серия «Дважды рожденный», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64494291

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир этот был зеркальным отражением нашего, пусть и отставал от него почти на 600 лет. Но в начале XIV века вместо "Малого" ледникового периода там случился Апокалипсис. Хотя и тоже – не сказать чтобы полноценный. Запертые прежде в иных планах бытия, могущественные существа вырвались и тут же с самозабвением сцепились между собой. Мертвые восстали, гонимые Церковью знахари и кудесники получили недоступные прежде силы, а за ними и признание. К началу нового столетия мир поделили существа и народы либо прежде неведомые, либо знакомые лишь по сказкам да очень недобрым преданиям. Но и человечество устояло. И когда люди стали осознавать, что не так уж они и беззащитны, наш современник из 2020-го получил доступ к тропке, что могла привести на Землю №2. Правда, способом, который трудно назвать нравственно безупречным...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Родная кровь	26
Глава 2. Полтора «ливра» самоуважения	43
Глава 3. Так, говоришь, подзаработать?	56
Глава 4. Перекрестки	71
Глава 5. Я смогу!	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сергей Руденко

Холодное лето 1402-го. Том 1

Пролог

7 сентября 2019 года

Было ужасно холодно.

Через мгновение, когда я попытался открыть глаза, стало еще и страшно. И да, самое главное – ощущение постигшего меня Гора! Огромное и всепоглощающее, оно накатывало с непреклонностью морского прилива. Горько-соленые волны бились и бились во что-то внутри меня, пытаюсь истончить и разрушить такую само собой разумеющуюся и привычную, после сорока, уверенность в себе.

Стройную картину портила только непонятно откуда взявшаяся уверенность, что оно – это самое Горе – не совсем, чтоб мое. Будь иначе, наверное, я бы не выдержал. Закричал, или просто задергался – тут бы возможно может мне и конец, но нет, этого я не сделал.

Перетерпел, смог собраться с силами, попытался разобраться в происходящем, а если ты «вникаешь и разбираешься», то на настоящую панику просто не остается време-

ни. Точнее нет, не так – некому получается паниковать...

В общем да, было очень темно.

Заледеневшее тело поначалу еще очень плохо слушалось, но даже когда я абсолютно точно ощутил, что глаза все-таки удалось открыть, некоторое время не было никакой разницы. Меня по-прежнему окружала непроглядная темнота.

Неизвестно сколько это продолжалось: минуту, две, пять – не знаю. Главное, что я и правда, почему-то не заметался. Даже когда тело по-настоящему начало оттаивать, и все оно наполнилось какой-то остро-тягучей болью и покалываниями, я продолжал удерживать дистанцию между собой и тем, не совсем моим и не то чтобы чужим Горем. К тому моменту к нему присоединились Паника и, вполне логичное и объяснимое в такой ситуации, Недоумение.

Действительно, нечасто просыпаешься в темноте и тишине настолько замерзший. Да что там – практически вусмерть заледенелый!

И как ни странно, боль сейчас не воспринималась, как нечто однозначно плохое. В этот момент только она осталась единственным надежным ориентиром. Только покалывания во всем теле, да пожалуй, вот то – нечто холодное, твердое и угловатое, впившееся в спину – только они и не позволяли отнестись к происходящему, как к какому-нибудь наркоманскому бреду.

Наверное, я даже слишком уж увлекся, цепляясь за эти ощущения.

С трудом подсунув под себя все еще не очень послушную руку, сначала попытался разобраться, на чем же именно лежу.

Дело как-то сразу не заладилось, поэтому я снизил планку и попытался нащупать хотя бы материал, из которого состояла опора. Тоже, к сожалению, безуспешно. Ум отчего-то просто отказывался «узнавать», и я не стал на него давить...

А вот с «горошиной» в моей постели разобраться удалось куда проще.

Оказывается, неудобства создавал острый обломок – судя по размерам – кости?! Гм, бедренной – это если судить по размеру мосла на его втором – «тупом» конце. Вот тут-то я и осознал, что лежу вообще-то на куче застывших трупов.

Оказывается, мое подсознание просто не позволяло уму выдвинуть такое предположение, пока я елозил рукой по чьей-то спине, на которой, собственно и очнулся.

Однако стоило нарушить это мысле-табу, как рациональное объяснение тут же всплыло. Как будто сознание скрывало-скрывало, а потом такое решило – «что уж теперь», – и добавило в общую кучу откровений еще и застарелый смрад этой мертвецкой.

Вонь обрушилась на меня, словно тяжелый обломок кирпича, пущенный опытной рукой. Почти как одна из тех каменных скрижалей, которыми Моисей прямо с горы Синай забросал своих разгулявшихся соплеменников*. Имена пострадавших история не сохранила, но их ощущения в тот мо-

мент я мог бы оценить абсолютно реалистично.

Смрад, то ли и впрямь игнорировавшийся моим подсознанием последние несколько минут, то ли секунду назад уловленный наконец-то отогревшимся участком мозга – он перехватил дыхание и разом исчерпал всю мою потенциальную брезгливость на год вперед. Ну или мне в тот момент так показалось.

«Что за херня здесь происходит...» – такую мысль просто нельзя было не озвучить, но обошлось. Именно в это самое мгновение громкий скрип сбил волну паники и снова удержал меня буквально на грани...

Невидимый до того момента дверной проем выдал порцию – естественного, «белого» света – разогнал мрак и перемешал тени во всем том, надо признать немаленьком помещении где я и находился. Вход, конечно же, буквально приковал к себе мой взгляд. Стоило рассмотреть краешек каменной лестницы, как я тут же сообразил, что лежу в подвале.

«...Логично, где же еще быть мертвецкой, если хозяева не собираются тратить на нее электричество...»

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: куча трупов, частью которой я числился, не была здесь чем-то исключительным. Ближе ко мне – в правой части подвала, – неизвестные хозяева уложили еще один штабель из почти двух десятков тел. Внешне практически неповрежденных.

Зрелище слева оставляло впечатление куда хуже.

На многочисленных крюках какие-то рачительные уроды закрепили уже не тела... Скорее уж, это можно было назвать «запчасти», «полуфабрикаты» или даже «мясные заготовки». Но совсем не куски тел привлекали сейчас мое внимание.

Свет, сочившийся через дверной проем, сначала высветил только тень от нового действующего лица. Огромное темное пятно разом накрыло почти все помещение, но еще через несколько секунд она резко ужалась, и на пороге замерла какая-то старуха.

«Точно, ей же просто светит в спину...»

Невысокая, вряд ли больше метра, но довольно коренастая. Неприятную внешность дополняли короткие узловатые пальцы, такое же уродливое лицо, с несуразно утолщенным носом, маленький рот и нечеловечески длинные уши, к тому же еще и перемещенные почти к самым щекам. Она замерла, словно бы специально давая на себя полюбоваться. Но на самом деле старуха пыталась что-нибудь рассмотреть сама.

Некоторое время она подслеповато щурилась, а я старался уже не столько рассмотреть в ней что-то новое, как мучительно пытался, наконец-то поверить, что и правда все это вижу. Вот так – в живую!

«Гоблинша...»

Слово всплыло откуда-то из подсознания, и даже на мгновение во мне не шевельнулось желание оспорить эту подсказку. Благодаря декорациям в эту чушь пришлось пове-

рить сразу. И пока я пребывал в прострации, глаза старухи выдали какой-то желтоватый, почти кошачий отблеск, и она уверенно двинулась налево.

Неожиданно ловкая и подвижная для своей стариковской внешности, бабка извлекла откуда-то из лохмотьев здоровенный тесак и начала примиряться к одному из истерзанных тел. Ее внимание привлекло уцелевшее бедро подвешенного на крюк женского тела.

«Ну да, мяса там куда больше, чем на ребрах...» – циничная мысль была прямо к месту на этой фабрике абсурда.

Несколькими умелыми движениями бомжиха отделила ногу. Ее явно не беспокоила санитарии, потому что когда добыча рухнула на пол, первым делом она примерилась, и ловко отмахнула себе кусочек «вкуснятинки» – тонкую пластинку мякоти, которую тут же и заживала.

Не могу даже предположить, благодаря чему я все же не блеванул.

Зрелище было то еще, а схарчив первый кусок и, что-то одобрительно забормотав, старуха стала примеряться ко второй порции, но тут ее внимание привлекло что-то в моей части подвала.

Внутри по-прежнему было мало что видно. Очевидно, именно поэтому она не стала рассчитывать на зрение, а развернувшись, резко пригнулась и стала ...принюхиваться?

Я находился куда дальше от дверного проема, и мне-то освещения как раз хватало, чтобы рассмотреть, как непри-

ятно подвижен ее длинный кривой нос. Ее огромные ноздри, украшенные парой бородавок с пучками длинных седых волос и без них, несколько раз расширились, и старуха довольно уверенно двинулась в мою сторону. Нет, в отличие от меня, она не выглядела обеспокоенной. Скорее – приятно заинтригованной. Запах ей явно нравился.

«Да что ж тебе надо? Жри свое мясо и убирайся, тварь!» но мысленные команды людоедка слушать не собиралась.

Пока я в панике сдерживал себя, стараясь не сорваться и с дикими воплями не рвануть прочь – были сильные сомнения, что в темноте и среди трупов, я смогу хоть как-то удивить ее в беге – опасная гостя приближалась.

В ее движениях появилась мягкая охотничья вкрадчивость и легкость. Сейчас, когда она плавно стелилась над полом, тварь выглядела куда опаснее, чем даже с тесаком, который оставила там же возле отрезанной ноги.

Второй штабель из трупов, частью которого я был, неизвестные рационализаторы уложили плотно к стене, именно поэтому людоедка смогла подобраться ко мне пусть немного под углом, но все же со стороны ног. Я все еще не знал, что стану делать, когда мы сблизимся, но неожиданно наполнился решимостью драться...

Теперь уже не оставалось вообще никаких сомнений, что в куче мертвых тел, тварь манило именно мое. Я так понимаю, единственное живое в этом подвале, кроме ее собственного, а значит пахнуть я и в самом деле должен был иначе,

чем соседи.

Когда людоедка попыталась взобраться на трупы, она несколько раз оступилась, отвлеклась, и ее жутка морда оказалась прямо над моим пахом. Это стало последней каплей.

Не до конца соображая, что делаю я, неожиданно даже для самого себя, запустил ей руки в колтун на голове, ухватился, и изо всех своих перепуганных сил, со всей нервной мочи дернул ее голову на себя. Одновременно навстречу мерзкой морде рвануло и мое колено. Столкновение состоялась почти в то же самое мгновение и не обошлась без травм.

Удар сломал людоедке челюсть, а боль, на мгновение, просто ошеломила ее.

Не в силах сопротивляться, она испуганно взвизгнула, дернулась и, все эти «спортивные игры» не могли не потревожить кучу, на которой происходили.

Тело подо мной сдвинулось, и мы оба на мгновение потеряли опору. Как бы это ни было неожиданно, но даже инстинктивно – выпустить голову людоедки я решился только одной – правой рукой. Левая продолжала удерживать старуху в клинче. Больше никаких «трупотрясений» не случилось, и тут моя правая рука нащупала под собой тот самый обломок.

Он лег в ладонь, как влитой. И уже в следующее мгновение я со всех своих сил всадил его растерянной людоедке куда-то под челюсть. С совершенно неожиданной легкостью острая почти полуметровая кость утонула в ней, как в боло-

те, фактически не встретив сопротивления. Тело вздрогнуло и, больше не издав ни звука, бессильно рухнуло на меня.

– Су-у-ука, жрать она меня собралась...

Если Судьба изначально не собиралась устроить тебе какую-то особенно неприятную жизнь, то настоящей ненависти парня из провинции могут научить только в армии или чуть позже – уже в его собственной семье. И жены справляются с этой ролью даже лучше дембелей.

Уж так вышло, меня и армейская чаша миновала, и с женой получилось, как в расхожем анекдоте про мужика, который сунул руку в террариум третьего курса нашего местного колледжа, но вытащил не очередную деревенскую гадюку, а вполне себе приличного «сельского ужа».

В общем, настоящее умение кого-то искренне ненавидеть, я приобрел именно сейчас.

Внутри – все бурлило и кипело. Будь во мне чуть больше сил, я бы, наверное, зубами стал рвать труп людоедки, но вспышка гнева истратила все, что успело оттаять, и некоторое время я был не в состоянии даже просто отбросить труп.

Чувствовал, что из разбитой пасти мне на грудь сочится кровь вперемешку со слюной, но никаких сил, чтоб хотя бы оттолкнуть ее, действительно не было. Только минут через пять-семь брезгливость наконец-то преодолела слабость и я, пусть с трудом, но смог откинуть старуху. Мертвое тело не отличается какой-то особой инерцией, поэтому оно не скапало вниз, а осталось лежать практически там же, где ее и

застала смерть.

Деваться было некуда, поэтому неприятным соседством я решил немного пренебречь.

Без какой-то внутренней дрожи – скорее, наоборот, с самым настоящим и довольно неожиданным для меня злорадством – я принялся рассматривать побежденную тварь, пользуясь возможностью. Да, наружу и впрямь торчал только самый конец моего неказистого «оружия».

«Надо же, гоблин. Интересно, откуда это взялось?»

Незамысловатая мысль словно выбила камень в основе неизвестной мне осыпи. Вспышка боли, и вокруг снова потемнело...

* * *

Не знаю, сколько я пробыл без сознания, но когда пришел в себя и принялся испуганно озираться, никаких изменений в подвале заметить не удалось. Ни на первый, ни на второй взгляд.

Все трупы оставались на своих местах, даже отрубленная старухой нога и ее же тесак. Сама поверженная гоблинша валялась там же и в том самом положении, в котором я ее запомнил. Новых действующих лиц, слава богу, не прибавилось.

Даже куда более изощренная попытка оценить прошедшее время по длине светового пятна из дверного проема не принесла никаких новых открытий. А вот стоило схлынуть панике, как стало понятно, что некоторые изменения все же

имеются. У меня в голове.

К Сане Кузнецову, ну или «к старшему менеджеру отдела продаж бытовой техники Александру Валентиновичу» – в последние годы я даже мысленно привык себя воспринимать именно так – прибавились воспоминания некоего «Теодорих».

«Дирка» – как предпочитали называть его соседи-ровесники, или «Тьерри» – как к нему обращались дома.

Никаких сомнений у меня не было: я – это я, Саня. Но и «Дирк-Теодорих» – тоже был не так чтобы совсем чужим. Так же однозначно я отчего-то был уверен, что никогда раньше раздвоением личности не страдал, и что не стоит беспокоиться на этот счет и сейчас.

Хотя с беспокойством было, конечно, все не так уж и очевидно. Такой здоровый «холодильник» со специфическими запасами нужен, чтобы прокормить намного больше, чем одну единственную старуху. Сожрать-то она могла бы и больше, но вот добыть – уже вряд ли.

«...Блин, пожалуй, мне и правда хватит уже разлеживаться...» – оказалось, с момента короткой схватки и последующего беспомыслия, я заметно окреп.

Встать и пройти через весь подвал за тесаком удалось почти без труда. Меня, конечно, пошатывало, подташнивало, да и голова немного кружилась, но идти получалось достаточно уверенно.

В тот момент, когда я выбрался в более-менее освещен-

ную часть подвала и вооружился, меня ожидало еще одно потрясение. Правда, удалось обойтись без обмороков. Тело было не мое.

Точнее не так.

Тело было мое, и подчинялось оно с каждым шагом все лучше, но ничего общего с немного обрюзгшим к своим сорока жителем Подмосковья оно не имело. Туловищу и всему прочему было не больше 12-15 лет. А если принять за гипотезу, что раньше оно принадлежало Дирку-Теодориху, то можно было определить даже точнее – прежнему хозяину было тринадцать с половиной полных лет.

Просто он был довольно крепким и вообще – непривычно развитым по сравнению с другими известными мне подростками. Судя по загрубевшей коже на руках – ни мышку, ни клавиатуру парень никогда даже в глаза не видел. На это же намекало и полное отсутствие в подвале проводки, крюки для мяса и тесак, откованные явно кустарно.

Об этом же твердила и жалкая кучка однообразных и так же вручную сшитых штанов, курток рубашек и платьев в углу мертвецкой. Застарелая вонище от них разила, дай боже, но идти нагишом было еще хуже.

Не стал брезговать я и безразмерными мокасинами старухи. Тем более что другой обуви в подвале просто не нашлось...

...Сегодня я уже встретил людоедку, убил, с телом и личностью не совсем понятно получалось, но неизвестность

страшит нас куда больше уже пережитых ужасов. Поэтому на лестницу я ступил не без внутренней и вполне не иллюзорной дрожи, но решительно. Нет, в самом деле!

Кстати, идти вверх было не больше 4-5 метров, но температура здесь заметно отличалась от подвальной. Стоило мне подняться всего на пару ступеней, как до того момента не очень осознаваемый холод стал отступать, и меня и правда заколотило. Сердце неожиданно заухало так, что казалось, выскочит из груди. Испарина покрыла лоб, лицо, подмышки – в общем, все те места, что потеют в первую очередь, и так же неожиданно отступила, оставив после себя недоумение, потливость и испуг.

Снаружи не доносилось ни звука.

Достигнув ступеней, с которых уже можно было глянуть, что там происходит, и откуда можно было попытаться угадать – где это «там» – я рассмотрел что-то вроде замкнутого двора.

Обветшалого и позаброшенного, но все еще неплохо сохранившегося каменного замка. Когда высунул голову наружу и попробовал оглядеться, догадка подтвердилась. Как оправдалась и моя осторожность.

Небольшой – метров сорок на сорок – замкнутый квадрат двора по периметру окружали строения словно «утопленные» в крепостных стенах из массивных валунов. Сохранились они по-разному, но и впрямь неплохо. Пара небольших брешей не особо портили картину.

Вход в подвал примыкал к массивному прямоугольнику главного здания. Четыре этажа общей высотой метров в двадцать – в обычной ситуации вряд ли могли бы удивить, но на фоне своего приземистого окружения смотрелись они, надо признать, неплохо.

Двор, да и сам замок, может, и выглядели заброшенными, но один из проломов – справа от меня, скорее всего, на месте бывших ворот – все же охранялся. Не меньше трех уже знакомых мне уродливых существ с желтовато-зеленой кожей вольготно расположились в тени, среди остатков от воротной башни. Только – мужского пола и заметно покрупнее.

Спокойные – скорее даже – лениво-расслабленные, они о чем-то лениво «ухали» и «гыркли» между собой. Образ дополняли кожаные безрукавки, с несимметричным набором зеленоватых, наверное, бронзовых пластилин-накладок, парочка бронзовых же шлемов, сложенных в стороне, не очень длинные грубовато склепанные прямые палаши, луки, и как минимум одно копьё. Хотя время уже повернуло к вечеру, но оставалось достаточно светло, чтобы сделать вывод: солнца зеленокожие не боялись.

Без особого энтузиазма, но с легко различимым удовольствием, воины бросали что-то на землю перед собой, время от времени обменивались чем-то мелким, а иногда принимались раздавать тумачи кому-то из неудачников. Чаще всего «неудачником» оказывался один и тот же охранник. Самый мелкий и неказистый из них.

Караульные и все проломы были справа от меня, но я не ощущал себя настолько Чингачгуком, чтобы попытаться прокрасться. Мысль о нападении даже не возникла, потому что это был однозначно самый короткий путь на один из крюков в подвале. Не предел мечтаний. Но и сидеть, выглядывая с моря погоды – эта идея точно не выглядела привлекательной.

«...Даже в краткосрочной перспективе, – хмыкнул я про себя, пытаясь разбудить энтузиазм хотя бы через привычную ироничность, но было слишком уж страшно; однако уже в следующую секунду в голове промелькнула неприятная догадка, и все расклады тут же изменились. – Блин, а вдруг кто-нибудь из них решит сейчас не дожидаться старуху, а пойдет ее искать? – мысль скользнула по краю сознания, и сидеть на лестнице стало куда страшнее, чем чудить снаружи. – Была, не была...»

Единственным вариантом оставался путь налево – вдоль главного здания.

Из подвала оно выглядело тихим и заброшенным, как и остальной замок, но я абсолютно четко осознавал, что все это фикция. Внутри могла скрываться сколько угодно гоблинов или чего похуже.

Дождавшись, когда караульные в очередной раз примутся отвешивать друг другу тумачи, на пузе – словно заправский диверсант – я выскользнул из подвала и пополз вокруг здания. Ни живота ни отдышки у нового тела не было, но пол-

зание по камням все равно оказалось далеко не самым приятным делом.

Поэтому стоило мне покинуть опасную часть пути, как я поморщился, но сначала принял лишь немногим более приличную позу гордого льва – на корячках, – а уже за поворотом, смог наконец-то выпрямиться.

В этой части замка проломов в укреплениях не было, поэтому оглядевшись, я подумал-подумал, и решил вернуться назад. Только не к подвалу, а ко входу в главное здание, мимо которого прокрался всего минуту назад. С моего нынешнего места было видно, что на здешнюю часть стены можно было попасть только изнутри. Да, оставался риск нарваться на кого-то пусть не из караульных, а на каких-нибудь случайных уродов, но выбор был невелик.

Очень не хотелось прямо сейчас карабкаться на три метра вверх по каменной кладке, преодолевать полуметровый выступ и примерно такое же ограждение изнутри стены. Не то чтобы я совсем не был уверен в том, что смогу их преодолеть, но попытавшись взобраться, на некоторое время я мог оказаться совсем слепым и беззащитным.

Да, это была скорее отговорка, но устраивать длительное обсуждение с самим собой я не стал, а положился на интуицию...

Небольшой предбанник с ошметками толстенной двери на бронзовых петлях, и вот я внутри.

Там меня ждали вполне ожидаемая паутина под потолком

– точнее целый лес, – слой пыли, мусора и уже традиционная заброшенность. Но и явные следы какой-никакой, а жизни. Или, как минимум – активности.

Прямо у входа, например, накопилась довольно свежая куча мусора, в основном из костей и прочей ерунды. Мысль о том, чьи это за кости я решил не развивать...

Проигнорировав оба коридора вглубь здания из чего-то вроде прихожей или гостиной, я выбрал путь по лестнице на второй этаж. На балконе никого не было, и это несколько укрепило мою решимость.

С верхней площадки один коридор так же уходил внутрь, а вот второй – изгибался в нужную мне сторону и с явным намерением пройти мимо стены, вдоль которой я только что ползал. Его-то я и выбрал.

Прикинув, что диверсант из меня никудышный и совсем уж беззвучно красться я все равно не смогу, решил выбрать «уверенный, но негромкий топот» в нужную сторону. Как ни странно с этим оказалось никаких проблем. В смысле – пока я как осторожный слон пер вдоль внутренней стены, мне не встретилось ни одного желающего расспросить за жизнь или предъявить «с какого я района...»

Сразу за поворотом коридор шел дальше, очевидно, чтобы обогнуть таким манером все здание, а в наружной стене зиял дверной провал. «Проем»? – нет, проем, это когда он запланирован изначальной идеей архитектора, а тут был самый настоящий провал. Но да, скорее всего, образовался он

на месте двери.

Наверное, во время штурма нападающие «без спросу» организовали себе более удобный вход с этой стороны, да так и не удосужились его заделать. На самом деле все, что я видел к этому моменту, носило на себе следы именно вот этого «не удосужились».

От полной разрухи спасала только изначально заложенная в конструкцию надежность, ну и сами материалы этому способствовали...

В общем, обрадовавшись, что авантюра кажись, выгорит, я скользнул в дыру и вдруг замер совершенно ошарашенный. Прямо передо мной на стене стоял широкоплечий рослый гоблин. Ну, для гоблина, конечно. Он был как минимум «наголову» выше прибитой старухи и в упор – смотрелся более чем убедительно. В первое мгновение я был настолько ошарашен, что на несколько секунд впал в самый настоящий ступор. Если бы он в этот момент обернулся, никакого сопротивления кроме какого-нибудь жалкого блеяния я бы из себя не извлек.

– Мэт акартó, фэрэг? (Что ты хотел, червяк?)

Как ни странно, но сказанное на чистейшем гоблинском я понял. И это вызвало целую череду событий.

Со всей очевидностью стало понятно, что никакой возможности отмотать назад нет. Этот гад – не важно, – услышал меня или унюхал, но о моем присутствии знает. А не обернулся он, наверное, лишь из презрения.

Однако, стоит попытаться сбежать и он, конечно же, обернется, а потом случится только то, что вряд ли мне понравится.

Уже в следующую секунду я подшагнул к врагу, чуть присел, и со всей доступной мне силой толкнул его снизу вверх. В этой части стены не хватало двух ближайших зубцов, поэтому гоблин ухнул вниз, что называется «на максималках». Только его и видели.

Тварь настолько обалдела от такого оборота, что попыталась что-то заорать лишь буквально перед самой встречей с землей метров на пятьдесят ниже по склону, однако, куда там. Завывание почти тут же прервалось смачным шлепком, но тишина, к сожалению, не вернулась.

Гортанные крики донеслись сначала от ворот, и еще через мгновение им ответили изнутри здания. И вот тут даже совсем недалеким стало понятно, что нужно выбираться. Не важно, как и куда, главное – откуда.

Дальше я снова действовал по наитию, просто потому, что никакого плана по-прежнему не было.

Единственная более-мене разумная мысль испуганно вертелась вокруг наблюдения, что остальные зубцы в этой части стены не пострадали. А значит – был высок шанс, что два ближайших упали не просто так...

Шаг к самому краю, взгляд вниз – точно!

Неизвестно, как нападающие сломали эти зубцы, но сделали они это не просто так. Левее вдоль стены вилась тро-

пинка, и заканчиваться она могла только где-то внизу. Иначе в чем смысл?!

Плюнув на сомнения, я ухватился за самый край стены, повис, вытянулся вдоль нее, после чего несколько раз в ужасе оглянулся, примерился – и вот я внизу. Даже при моем новом росте, пролететь необходимо было лишь чуть более метра.

Уже в следующее мгновение над только что покинутым краем стены нарисовалась очередная длинноносая морда. Гоблин, или кто-то новый, но очень на него похожий, удивленно «хо»-кнул, и тут же стал призывать на мою голову довольно незамысловатые проклятья и своих сородичей. Но если тварь ожидала от меня вступления в дискуссию, то про считалась.

Едва осознав, что обнаружен, я словно лось какой-нибудь рванул вдоль стены, не стараясь хоть как-то скрываться. Еще шагов через двадцать обнаружился спуск, после чего уже уверенно и с радостью, я припустил вниз. Не оглядываясь.

Когда бы эту тропу ни проложили, но на здешнем каменистом склоне она могла бы существовать без всякого ухода до скончания времен. По крайней мере, при нынешних хозяевах-пофигистах. Ни я сам, ни тем более Дирк-Теодорих горными лыжами или скалолазанием не увлекались, но это не мешало рваться вперед, буквально не чуя под собой ног, и напрочь игнорируя все опасности, кроме возвращения в подвал.

Прыжок, прыжок, ненадолго притормаживаю, чтобы оглядеться, и в камень на моем пути одна за другой, со звоном, врезаются несколько стрел.

«...Ах, вы, ушлепки!»

Инстинктивное желание обернуться оказалась фатальной ошибкой. А стоило мне притормозить, чтоб определиться, какой же спуск выбрать, направо – к лесу, или налево – к кустам и остаткам каких-то строений, как острая боль пронзила спину и разродилась жжением в груди, при попытке втянуть в себя воздух.

Задыхаясь от ужаса и нехватки воздуха, я сделал несколько неуверенных шагов, поймал еще одну стрелу, на этот раз в бок, после чего ноги у меня подломились, и я покатился, невольно выбрав третий путь вместо предложенных двух – прямо...

Как ни странно, но после множества кувырков и парочки коротких полетов вниз по склону, сознание я не потерял. Было больно, пыльно и обидно, однако я по-прежнему четко все осознавал.

Жесткие колючие заросли шиповника смягчили последний этап «спуска». Как смогли. Но даже это не выбило из меня дух, и мысль, что кажется мне хана, я встретил с неожиданным стоицизмом.

Поначалу я никак не отреагировал на чьи-то быстрые шаги. Вот только если это мои преследователи, то почему они приближались со стороны леса, а не замка?

Смутно знакомый голос и вовсе запутал. Недоумение было так велико, что оно даже сумело прорваться сквозь болезненное нежелание шевелиться. А голос все повторял, как заеденный:

– Дирк, мальчик мой, я знал, я знал...

Последнее, что я услышал перед тем, как отключиться, когда чьи-то заботливые руки попытались перевернуть меня на спину, был все тот же голос, требовавший срочно седлать коней.

– Сейчас здесь будет не протолкнуться от этих тварей, собираетесь заночевать что ли?

* «...В третий месяц по выходе из Египта израильтяне подошли к горе Синай, где Бог дал Моисею каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями, ставшими основой Торы [...] Но пока Моисей сорок дней оставался на горе, народ согрешил, нарушив только что заключённый завет: сделал золотого тельца, которому евреи начали поклоняться как Богу. В гневе Моисей разбил Скрижали и уничтожил тельца. После этого опять на сорок дней он вернулся на гору и молился Богу о прощении народа...» (**Книга Исход**, вторая книга Пятикнижия (Торы), Ветхого Завета и всей Библии) Как именно Моисей разбил скрижали – с моей стороны это, понятно, всего лишь предположение.

Глава 1. Родная кровь

Городок Бон-сюр-Сон, раннее утро

(24 января 1402 года)

Малышка Эми появилась как обычно – вальяжно и неторопливо. Если бы не ее 12 лет, полностью соответствующие возрасту острый нос, коленки и вообще – подчеркнуто субтильное даже в зимней одежде телосложение, все это не выглядело бы настолько забавно и несуразно. Данные у девчонки и впрямь были не самыми подходящими для косплея «солидной матери семейства», или как там именно она называла выбранный образ.

Забываясь, иногда я с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, но она начисто игнорировала все намеки. Да и отношения наши не очень-то подходили для насмешек. По крайней мере, с моей стороны.

Именно Эмма ночевала здесь все эти месяцы, пока я приходил в себя в почти опустевшем без слуг и домочадцев доме. Как оказалось, остальной родне выживший пацан чем-то сильно пришелся не по сердцу.

Не знаю, из-за чего именно, но все они явно не горели желанием возиться со мной, а спасший меня наставник во время драки лишился ноги, и сейчас привыкал к своему новому положению. Поначалу я был не в том состоянии, чтоб все это понять, но стоило немного прийти в себя, как печальный

факт стал абсолютно очевиден.

– Подать горшок?

Не знаю, как ей это удавалось, но в голосе девчонки в этот момент, как всегда, не было ничего кроме вопроса. Ни брезгливости, ни пренебрежения, ни покровительственности или насмешки. Если вы хоть раз были неходячим, а вашей медсестре – меньше самого малого, то будьте уверены: мнительность ваша разовьется до просто потрясающих высот! Но нет, абсолютно нейтрально...

– Но... ты же обещала, что сегодня поможешь мне... хотя бы попробовать сделать все самому?

– Ты же мог передумать, – легко согласилась моя сиделка.

На прошлой неделе я уже пробовал совершить путешествие к «ночному горшку» самостоятельно. Не подсунуть под себя прямо на кровати небольшую узкую миску, что служила здешней «уткой». Нет, я попытался дотащить до массивного деревянного кресла с встроенным глиняным горшком, которое местные – из тех, что побогаче – использовали вместо унитазов. Ничего не вышло.

– Уж будь уверена!

Казалось бы, ну чего я только не пережил с момента, как очнулся в той мертвецкой, ан нет. Все равно «оправляться» при соплячке было стыдно, но плевать! Опираясь на острое, неожиданно крепкое плечо Эммы я с трудом преодолел каких-то два метра и занял свой временный «трон».

Мелкая чертовка многие вещи вежливо предугадывала,

но когда я взгромождался на утку, или как сейчас – на здешний вариант биоведра – сама она даже не попыталась отойти в сторону. Чтобы спокойно напрудить в посудину, пришлось просить:

– Ты, наверное, пойдешь пока ...погуляй, или приготовь чего-нибудь?

– Хорошо, – опять привычно легко согласилась девчонка и отправилась на кухню или куда там: главное – с глаз долой.

Некоторую паузу между моей просьбой и ее уходом уловил бы только очень внимательный человек. У сорокалетнего меня, в отличие от Дирка это, к сожалению, каждый раз получалось. Поэтому постоянное недоумение, которое я испытывал, общаясь с этой пигалицей, в очередной раз только укрепилось.

«...Девочка, что же, черт подери, с тобой не так...»

* * *

Да, из бывших домочадцев – родни, слуг и приживал, еще недавно на здешнем подворье жило почти полтора десятка взрослых и детей – уцелел только «дядюшка Жан».

Крепкий, рослый и немолодой брюнет, весь словно свитый из жил, он был ровесником меня подмосковного, но выглядел заметно старше. В средневековые люди вообще изнашивались быстрее а сейчас, когда в драке за мое бездыханное тело он потерял ногу, молодости у него, конечно же, не прибавилось.

По доставшимся мне воспоминаниям, он был кем-то вро-

де правой руки и силовой поддержки у матери Дирка. Он же учил его самого биться мечом и копьем. Отца у парня почему-то не было, но происходило ли что-то между матерью, которая до всего этого оставалась по-прежнему довольно симпатичной женщиной и ее ровесником Жаном – пацан не помнил.

В теории – трудно не стать хоть немного циником к сорока – этого вроде как не могло не быть, но Дирк-Теодорих ничего такого и правда, не помнил. По крайней мере, не вспомнил за прошедшие месяцы.

С памятью у меня, кстати, вообще было нехорошо...

Не все получалось вспомнить даже из земного прошлого, не говоря уже о не всегда понятных пацанских реалиях. Правда, когда я начинал о чем-то настойчиво думать, то ответ, если он был, конечно, со временем всплывал. Именно поэтому я с доверием относился к непонятно откуда-то исходившей уверенности, что это ненадолго и скоро все наладится...

...Да, остаток осени и часть зимы я провел в беспмятстве.

Хотя раны, полученные во время побега, зарастали на удивление неплохо, но потом начались осложнения из-за многомесячной неподвижности. Тело ослабело и приходиться в себя понадобилось очень долго, болезненно и что скрывать – довольно неприятно.

Поначалу без посторонней помощи я вообще практиче-

ски не способен был пошевелиться, и из-за этого неоправданного много оставалось времени на размышления. Если бы не врожденное здравомыслие, наверное, и вовсе бы двинулся. А так, мне удалось с пользой пристроить свободные дни и ночи, в попытках совместить доставшиеся мне знания мальчишки с тем, что знал неглупый, да и в целом – любивший географию и историю сорокалетний житель Подмосковья.

На счет того, «где» – и самое главное «когда я» – поначалу было очень непонятно.

Но стоило мне найти в закромах памяти слова Roma, romanum – да и вообще неплохое знание латыни, – как дело пошло. После многих бессонных ночей можно было достаточно уверенно утверждать, что я оказался в одном из вариантов Земли, просто он был не без изъянов.

Во-первых, здесь было Средневековье. При том, очень странное – сильно не каноническое, если вспомнить нападение гоблинов, покончившее с семьей Дирка.

Во-вторых, чисто географически – почти наверняка это была территория современной Восточной Франции. Раз на юго-востоке от нас – за горами – есть город Рим, то других вариантов просто не оставалось. Рядом протекали две большие реки и полные опасностей густые леса, но ни одной карты в доме не было, поэтому свое точное местоположение установить казалось нереально. Да и зачем?

Раз такие отличия с моей Землей, то сильно мне поможет

знание конкретного места? Очень-очень вряд ли...

Вообще, просидев дома почти полгода безвылазно, делать такие далеко идущие выводы было странно, но никаких логических недостатков у теории вроде не находилось. Да и чем мне еще было заниматься?!

Кстати, на счет «дома».

В этот день я больше никаких подвигов не совершал. Разве что прежним порядком – при помощи мелкой девчонки – постанывая и кряхтя вернулся на кровать. А вот на следующий день, гораздо раньше, чем к нам пришла Эмма, я попытался устроить себе маленькую такую экскурсию от кровати до туалета и назад. Получилось. И так повторялось почти неделю, прежде чем я решил покинуть пределы своей спальни.

Так вот – на счет «дома».

Разложив все воспоминания что нашлись, выходило, что наша семья была небедной. Натурный осмотр двора выводы подтвердил. Тщательно подогнанные пиленные доски на полу и стенах почти всех комнат, кроме кухни и подвала, конечно.

Да и самих комнат под два десятка.

Несколько спален, главный зал, длинной почти через все здание, всяческие коморки, чуланы и что там еще. К основному зданию примыкало несколько хозпостроек. Добротных, но явно попроще. Конюшня без коней, но с гигантским сеновалом, овчарня, птичник, дровяник и что-то там еще. Но

все это заброшенное «великолепие» было лишь тенью бывшего благополучия.

Из живности уцелели лишь десятка полтора несушек. Кони, овцы, свиньи и коровы – отсутствовали, как класс.

В последнее месяцы некоторые воспоминания Дирка стали восприниматься, почти как свои, поэтому стоило закрыть глаза, и некоторых животных я мог «увидеть» практически живую.

Когда в начале сентября тварям удалось подкопать слабый участок городской крепостной стены, неожиданно для местного ополчения ворваться и натворить дел, пострадала не одна только наша семья. В северной части поселения пострадали тогда многие, но как раз на нашем подворье набег и закончился.

Жану тогда повезло – он повел одного из наших жеребцов к кузнецу. Подкову поправили, но когда он прискакал домой, его встретили пустота. Нападающие выгребли все живое и даже смогли унести часть припасов, но далеко не все.

Сам он, понятно, везением это не называл, но благодаря тому, что наставник уцелел, ему удалось подрядить за серебро нескольких умелых наемников и в итоге отбить меня. Хотя сам он признался, что рассчитывал только отомстить.

Так вот – сейчас ни жеребца, ни большей части уцелевших запасов отчего-то не было.

В амбаре нашлись несколько мер пшеницы, овса и единственный мешок бобов. Если присовокупить к этой новости

оставшиеся пол туши свиньи – на неопытный взгляд в лучшем случае, килограмм 20-25 – по всему выходило, что через три-четыре месяца нам нужно беспокоиться о голоде.

Там где до нового урожая жить рассчитывали полтора десятка человек, еды могло не хватить даже одному калеке и пацану. Не говоря уже о том, что та часть амбара, где должны были храниться семена, тоже была пуста.

«Здесь что-то сильно неправильно...» – мысль была какой-то беспомощной, но следовало же с чего-то начинать.

* * *

Городок Бон-сюр-Сон, полдень

(10 февраля, еще две с половиной недели спустя)

Труднее всего говорить правду, если не знаешь, что именно от тебя хотят услышать. С расспросами, к сожалению, все совсем наоборот. Заранее знать ответ не особо приятно, особенно когда тема ...щекотливая. Только почувствовав, что здоровье кажись и впрямь пошло на лад, я решился подступиться к Эмме, но перед этим нужно было все обсудить с Жаном.

Тот ничем не порадовал. Он тоже считал, что пока они валялись беспомощные, родня матери обнесла дом самым беззастенчивым образом. Правда, его итоговый совет поначалу меня несколько обескуражил:

– Да, они тебя обокрали, но лучше оставь все как есть!

На удивленное «как же так?» – дядюшка довольно равнодушно пояснил, что раз забрали не все – именно это точнее

всего и указывает на родственный след. Чужие – выгребли бы все под метелку.

– А раз они все еще считают тебя родней, не надо скандала...

Наставник практически не сомневался: доказать грабеж можно будет только с помощью «божьего суда». Поединок нам не присудят, а захочет ли Бог вмешаться – еще неизвестно. В любом другом случае такое разбирательство будет не на пользу здоровью.

– Пусть внешне все останется пристойно, а сами мы теперь понимаем, чего от них стоит ждать. И нового ущерба не допустим! Что же касается еды... нам все равно придется подумать об этом, – понимая, что он меня до конца не убедил, наставник посоветовал пока хотя бы отложить эту мысль.

От такого подхода я и впрямь растерялся, поэтому еще на несколько дней отложил расспросы Эммы. Да и когда этот разговор все же состоялся, он прошел совсем не так, как думалось изначально...

...Сегодня я наслаждался оттепелью, возможностью просто ходить и дышать свежим воздухом. Н, как ходить? Скорее уж – шкандыбать. Сейчас – это была уже третья моя самостоятельная прогулка, и получалось с каждым разом все лучше и лучше. От этого я пребывал, надо признать, в прекрасном расположении духа.

Наше поселение считалось «городом», и довольно большим – по средневековым меркам.

Имело и соответствующие права, включающие самоуправление, но время накладывало свой отпечаток. Никаких празднующихся. Вокруг меня были только заборы, еле видимые из-за них дома, и лишь испещренный следами снег на дороге однозначно утверждали, что живу я в довольно густонаселенном месте.

Просто сейчас все были заняты. Память Дирка подсказывала, что поскольку сейчас полдень – а это время поить скот – значит, самое настоящее столпотворение сейчас происходит в южной части.

Кстати, городишко наш считался важным пунктом в торговле между Священной Римской империей, многочисленными испанскими королевствами и богатейшими италийскими городами. Промежуточным, конечно, но важным. Хотя я не сомневался – все по-настоящему необходимое, что стоило о нем знать проезжающим, содержалось уже в его названии.

Бон-сюр-Сон – город Бон на реке Соне.

Да, есть такой городишко, и там можно переночевать, если вы решили путешествовать с одним из караванов куда-нибудь на запад Средиземного моря. И все.

В дне пути на северо-запад был еще просто Бон, давший название здешнему графству – Бонуа. Но местная династия не уцелела, сам город стоял в стороне от судоходных рек, и из-за этого оказался не включен в международную торговлю.

В итоге тамошние жители могли не платить никаких на-

логов, кроме как на содержание собственных стен и стражи, но все равно прозябали в нищете и еле-еле сводили концы с концами, закупаясь всем необходимым только при посредничестве наших торговцев. Вынужденные оплачивать и их наценки.

На лицо тут был и «картельный сговор», и злоупотребление привилегированным положением на рынке, и вообще все что хотите, но окружающее воспринимали это с пониманием. И пусть в «большом» Боне наших не любили, а любой поход в их кабаки непременно заканчивался дракой, но в целом – происходящее преступлением не считалось.

Был бы какой-нибудь уважаемый внешний арбитр, например, уцелей местный граф, он бы мог придумать приемлемый вариант, чтобы немного перераспределить прибыли, но ему не повезло, а поверить в ситуацию, чтобы наш магистрат вдруг решил отнять у наших же купцов весомую часть прибыли – было и вовсе невозможно. Да ни кто и не ждал такого...

В общем, река Сона примыкала к городу с юга, была она не только кормилицей, но и поилицей, и сейчас был тот короткий момент в течение дня, когда большая часть уличной активности сосредоточилась именно там, на берегу.

Об этом же однозначно сообщали и соответствующие звуки.

Птица, по зимнему времени, получала свою пайку воды или снега прямо там, где жила. Поэтому к реке гоняли пре-

имущественно коров, коз и овец. У семей побогаче – были еще и кони, но таких даже в небедном купеческом анклавe набиралось маловато.

Да что там говорить: даже рабочая лошадка считалась тварью дорогой и требующей особого ухода. В памяти тут же всплыли воспоминания, в которых Дирк просто переполнялся гордостью, когда вот в такие дни отправлялся верхом поить своих коней.

Действительно, один-два жеребца и пара кобыл, всегда были в семье...

«...Интересно, а за какие шиши мы так жили? – поначалу мысль проскочила по самому краю сознания, но неожиданно заинтересовала. – А ведь, правда, мы же сами не торговали, земли было только чтоб вырастить еду, да и скота не так чтобы много... Откуда же верховые кони, да и все остальное благополучие...»

Ответа у Дирка не было, и меня стала одолевать мысль, что здесь скрывается какая-то очень важная тайна.

– О, смотрите, недоеденный тварями убудок вылез! Я же говорил, что он уже не первый день тут ковыляет...

Увлеченный своими интригующими размышлениями, я прозевал появление новых действующих лиц. Напротив меня стояла компания молодежи, собранная большей частью из соседей, но не только.

Успевшему дожить до сорока Александру Валентиновичу не пришлось бы и в голову переживать о такой встрече, а

вот юный Теодорих оказывается, подобное – хорошо помнил. Хотя хорошего в них, как раз ничего и не было.

В отличие от большинства ровесников у него был дядюшка, который целенаправленно готовил парня «кормиться с меча». Из-за этого, не смотря на врожденное добродушие, один на один Дирк мог быть уверен в своей победе. Но, к сожалению, именно такой вариант ему в последние пару лет больше и не предлагали...

Мысль отхватить от каких-то сопляков до глубины души оскорбила.

Наверное, поэтому я и поступил в несвойственной ни мне, ни Дирку манере. Решил, фактически сам вызвать их на драку, не смотря на то, что и ходил-то с трудом. Какую-никакую уверенность, придавала клюка – не очень ровный, но массивный и крепкий кусок тиса, длиной больше метра, с которым я в последнее дни не расставался. Правда, по другим причинам, но он мог пригодиться и здесь.

– Если ты, кусок собачьего навоза не попросишь за свои слова прощения, я клянусь тебе, что в первый же торговый день в присутствии горожан вызову тебя на смертный бой, за оскорбление памяти моей покойной матушки! – искренняя злорада и желание убивать немного испугали даже меня самого.

Один из сыновей наших ближайших соседей, как раз и ляпнувший услышанную мной фразу, точно ничего такого не ожидал. Рослый, довольно крепкий, и в целом неглупый

16-летний парень, неизвестно почему до сих пор не женатый, конечно же, не планировал доводить дело до крови. Максим – немного попинать задаваку соседа, у которого даже отца не было, но зато был самый настоящий боевой конь.

Сначала он просто удивился перемене во мне – Дирк такого себе действительно не позволял. А потом он осознал, что нам с ним больше 12 лет (возраста юридической дееспособности – *прим.*) и откровенно струхнул.

Парень, естественно, ни в чем не был уверен, но на его, далекий от юридического крюкотворства взгляд, разрешение на такой поединок вполне могло быть получено. А уж то, что Дирк владел мечом, или как минимум его учили этому – это ведь и была одна из причин, почему остальные ровесники его не любили.

Усугублять конфликт при совершенно реальной возможности огрести и умереть, он бы сейчас ни за что не решился. Но и вот так откровенно сдать назад – это было унижением, от которого не отмыться. По крайней мере, сам-то он в этом не сомневался. Не понимая как быть, растерянный сосед замолчал с испуганно выпученными глазами, всем своим видом прося остальных о помощи, и сообщая, мол как же так-то...

Будь всем участникам этого разговора и впрямь по столько лет, на сколько они выглядели – быть беде. Но болтуну повезло.

Воспоминания Дирка и впрямь последнее время ощуща-

лись как свои, но Дирком я все-таки не был. Удивленный не меньше соседа, я искренне наслаждался своей речью, смаковал каждый глоток той искренней ярости, которая из меня буквально фонтанировала, но головы не потерял.

Рассмотрев, что кажется здесь тупик, и никто мне вызов не бросит, я переключил свое внимание на еще одного члена «веселой» (сейчас, правда, не очень) компании. На этот раз на острие критики попал один из моих родственников.

– А ты, – фактически прорычал я, – ты же моя родня! Как мог ты не поставить на место человека, что порочит память сестры твоего отца? Чтобы и кто не думал, но оскорбляют твою родню – значит, порочат и тебя лично! Что может быть позорней, чем отмолчаться в такой момент... или вовсе одобрять сказанное? – тут я совершенно театрально добавил в голос подозрительности. – Может быть недаром ходят слухи, что это вы ограбили мой дом, пока мы с Жаном мучились от ран? – ткнул я обвиняющее в двоюродного брата, обалдевшего не меньше соседа. – И где мой конь? В драке, в которой наставник отбил меня у тварей, он уцелел...

Сообразив, что сейчас и впрямь поносят его самого и семью, при том очень реалистично, и отмыться от такого тоже будет непросто, а батя еще и добавит, если промолчать (подтвердив обвинение), тот взвыл:

– Отец заплатил почти полтора «ливра» за ваше лечение, кто их вернет ему, вот мы и...

– Увести животное из дома свободного человека, можно

только по решению суда иди при грабеже! Если он потрапился – вы получите свои деньги, – перебил я парня, не дав оправдаться.

Еще и подлил в голос максимум доступного мне презрения, после чего пришел к выводу, что тема исчерпана и решил закругляться.

Найдя взгляд замершего соседа, я вдруг «неожиданно» сменил гнев на милость:

– Если в кровную родню досталось такое позорище, что уж тут ждать от остальных. Ты собирался оскорбить мою матушку?

Парень понял, что смерть кажись, отменяется, но не сумел выдать ни слова, и поэтому яростно затряс головой, показывая, что «ни в жизнь и ни когда ничьих матушек не собирался оскорблять».

– Ладно, ты сожалеешь? – уточнил я (снова множество кивков), – тогда убивать тебя было бы и впрямь жестоко...

По-прежнему не сказав ни слова, парень еще пару раз кивнул, окончательно успокаиваясь, но и фактически признавая, что оскорбление все же было.

– Ну и нечего тогда разводить между добрыми соседями вражду. Бывай, пойду я, – игнорируя всех остальных, напоследок уточнил доверительно, и можно даже сказать по-дружески. – Тело все еще болит, да и не вся сила вернулась ко мне. Но ничего, я тех тварей, что пока еще уцелели – непременно найду... – сообщил это, я неторопливо проследовал

во двор, сопровождаемый ошарашенными взглядами молодежи обоего пола.

Единственное, что несколько отравляло ситуацию – это необходимость все рассказать наставнику. Серебра-то лично у меня не было. От слова «вообще».

Глава 2. Полтора «ливра» самоуважения

Городок Бон-сюр-Сон, время после полудня

(10 февраля 1402 года, тот же день)

Когда я устало прошкандыбал в дом, наставник пребывал на кухне и увлеченно колотил полено. Сейчас здесь была самая теплая и востребованная комната, если конечно, не хочешь у себя в спальне под одеялом. Бродить вокруг да около не хотелось, но вывалить ему все и сразу все-таки не смог, поэтому начал издалека.

– Как думаешь, – проявил я дипломатичность, – наше с тобой лечение могло стоить полтора ливра? (они оба могли бы питаться с местного рынка на эту сумму не меньше года и это безо всякой экономии – прим.)

Дядюшка вопросу не удивился. Отложив топор, он сначала глянул на свою ногу, потом, упер взгляд в потолок, будто что-то мучительно пытаясь вспомнить, и только после этого заговорил:

– Твое лечение я считай и не видел, знаешь же, не ходил поначалу, а поэтому оценить не могу. Но мне наложили несколько швов и отняли ногу. Швы они и есть швы, хотя и здесь можно навертеть так, что хлопот не оберешься. А вот нога – это может лишь показаться чем-то простым. Возьми

топор – «тюк!» – и все, но нет. Отняли ее так, что воспаления считай, что и не было. Да и в остальном у меня претензий нет. К своей деревяшке, конечно, пришлось привыкать, но видел я одноногих, кому на конце кости скол оставили или еще какую глупость... В общем, думаю, да. Полтора ливра серебром – это честная цена за такую работу, – словно чтобы подкрепить весомость своего заключения, Жан хлопнул себя по колену и вернулся к топору, не пытаясь что-то уточнить.

– Тогда нам надо заплатить кучу денег, – смущенно сообщил я. – Может и не прямо завтра, но придется. Взамен я потребовал вернуть Роха...

Уцелевший жеребец получил кличку за густой иссиня-черный цвет. «Рохами» – на местном, судя по всему германизированном диалекте, звали грачей.

– Не беспокойся, ты правильно поступил! Если они не испортили жеребца, то в любом случае такой боевой конь, даже в нашем захолустье, не может стоить меньше 20 ливров.

– Я, честно говоря, беспокоился, сумеем ли мы содержать себя и дом, а теперь вот еще и он...

– Ты же не собирался прожить с нашего поля или и вовсе пойти гнуть спину на кого-то из местных купцов?! Для первого – у нас слишком мало земли, а второе – ...об этом я и думать не хочу! – снова отложил топор Жан.

Я пока так далеко не заглядывал, но ответил, конечно же, подчеркнуто возмущенным взглядом. Мол, да как ты мог такое даже подумать?! Кивнув, мне подтверждая, что иного и

не ожидал, дядюшка вдруг вывалил:

– Твоему роду пристало кормиться только с копыя. Ну, торговать, правда, тоже можно было бы, – с едва скрывае-
мой брезгливостью признал он, – но что об этом. У нас не
хватит серебра, чтобы собрать даже на самый малый кара-
ван, с которого была хоть какая-то возможность заработать.
Люди, повозки, животные, да и сам товар – все это обойдет-
ся слишком уж дорого... – ненадолго о чем-то задумавшись,
он неохотно уточнил. – Разве что усадьбу заложить, но тор-
говля сейчас чересчур опасна и велик риск, в случае неуда-
чи, остаться и вовсе бездомным, а значит – потерять и права
здесьнего горожанина. Нет, лучше бы обойтись без этого...

Я сидел, опасаясь моргнуть лишний раз. Эти неожиданные
размышления дядюшки, поведали мне о моем собственном
предположительном статусе куда больше, чем все доступные
ошметки воспоминаний.

«...Блин, да кто же я такой? И ведь не спросишь. Вот что
может быть подозрительнее, чем пацан, который не помнит,
кто он такой? Судя по гнилым языкам малолетних болванов,
Дирк и правда, был чьим-то незаконнорожденным отпрыс-
ком. Вряд ли сыном крестьянина, раз за мной, простите, «не
запахло» присматривать такому необычному человеку, как
ты. Нет, не меньше того интересно, а кто ты сам такой, «дя-
дюшка Жан?»»

Очень кстати в памяти всплыло, что латыни Дирка учил
тоже он, но откровения на сегодня, кажись, закончились.

Мне оставалось только наблюдать, как наставник вернулся к своему топору, и продолжил ловкими выверенными движениями щепить лучину.

Неудачные образцы он отбрасывал к печи, скорее всего, как обычно, они пойдут на растопку, а вот те, что получше, они станут освещать наши тихие почти семейные вечера...

– Эй, хозяйева? – голос донесся не с улицы, а уже со двора, и окончательно разрушил сложившуюся идиллию, а значит, не стоило надеяться на еще какие-нибудь оговорки.

«...Ну, кого там черти принесли...» – чуть не выдал я вслух от неожиданности, но вовремя прикусил язык. Не стоило слишком уж отличаться от вежливого и сдержанного Дирка. Так и до беды недалеко.

Сообразив, что неизвестного гостя, как единственному ходячему в нашей компании, лучше бы встретить самому, я подорвался и, успокаивающе кивнул попытавшемуся встать дядюшке.

* * *

За порогом и правда, был чужак.

Юный щегольски принаряженный парень с коротким мечом на поясе. Он находился уже внутри двора, хотя так и не было принято. Но вряд ли это его вина. Очевидно, я в волнении не запер калитку, когда думал о том, как же сообщить наставнику о новых и немаленьких расходах.

– Мое почтение, – весьма корректно, пусть и без хоть какого-то подобострастия поклонился он. – Мой хозяин толь-

ко что прибыл в ваш город, и хотел бы остаться в нем месяца на три-четыре, а может даже и до конца лета. Не примешь ли на постой? Я знаю, что горе посетило ваш дом, и пусть полученное серебро не залечит душевных ран, но оно пригодится, чтобы покрыть хотя бы часть других потерь...

Одно в этой ситуации точно было хорошо – чувак все-таки не из местных, а значит, одной потенциальной дырой в моей памяти было меньше. Но само предложение оказалось, мягко говоря, неожиданным. Дирк ничего на эту тему не помнил, и как реагировать, оказалось, решительно непонятно. Поэтому я решил схитрить, воспользовавшись «звонком другу». В смысле – попыткой взять паузу и узнать мнение наставника.

– Проходи в дом, думаю, нам стоит обсудить твой вопрос внутри! – переговорщик выдал очередной поклон, и изобразил готовность следовать за мной.

Внутри за мое отсутствие ничего не изменилось: Жан все так же щепил, очаг – шумел, пожирая дрова, разве что стало еще немного теплее. Кивнув гостю на лавку у стола – ту, что поближе к огню, сам я вернулся в «хозяйское» кресло за столом, и нейтральным тоном сообщил заинтригованному наставнику.

– Путешественники просят на постой. Месяца на три-четыре. Утверждают, что их серебром мы сможем закрыть часть наших потерь. Пусть и лишь материальных...

– Кто вы, сколько человек, сколько нужно комнат и есть

ли кони? – Жан тут же выдал вопросы сразу целым списком. – Нужно ли готовить и обстирывать, или станете ходить в трактир? Везете ли товары и надо ли помещение под склад?

Судя по вопросам, во-первых, наставник четко представлял себе, о чем речь, а во-вторых – сходу это предложение не отметал. Обрадовавшись, что поступил верно, я терпеливо замер, изображая человека, который ни на йоту не сомневается в том, что все идет как надо.

По словам парня, его господин был студентом-лицензиатом из Дижонской гильдии магов.

Лицензиат – в этой части Европы – это вторая ступень для мага. Выше «бакалавра», но ниже «магистра», который только и считался уже достаточно могущественным «магом» почти наверняка способным оказаться опасным противником для большинства магических существ.

Но и преодолевшие первую ступень – бакалавриат, – тоже не считались мальчиками для битья.

На самом деле, чтобы занять должность «городского мага» этого уже было достаточно, и многие дальше не заморачивались, предпочитая развивать свои умения от случая к случаю и «без отрыва от производства».

По словам переговорщика, сейчас его господин проходил какой-то особый этап в обучении, о котором тот соизволил пояснить только одно – что «он не требовало личного присутствия в стенах альма-матер*». Как хотите, так и понимайте. Хотя с другой стороны, а с чего бы ему обсуждать личные

тайны хозяина?

В общем, кроме самого мага-хозяина и парня, который оказался личным и доверенным слугой лицензиата, у того еще был конюх, телохранитель и шесть лошадей. И две из них – боевые, что однозначно сообщало окружающим: человек не беден. Больше никаких пояснений на этот счет не последовало, но тут опомнился удивленный Жан, уточнивший, а как они прибыли? Мол, городские же колокола ничего такого не отбивали?

* * *

Тут нам придется отвлечься, и немного поговорить об особенностях этого мира. **О его магии, религии, церковных колоколах и немного об истории**. Не все из того, что я упомяну, наш герой уже знает к этому моменту...

Очень долгое время история в этом мире двигалась по пути, уже намеченном в нашем. С отставанием, правда, примерно в шесть веков. Но в самом начале XIV века, когда у нас – на условной «Земле-1» – приключался так называемый «Малый ледниковый период», на «Земле-2» все неожиданно завертелось по собственной сильно оригинальной рецептуре.

В 1310-ых весь здешний мир пережил самую настоящую экологическую катастрофу, но мы все же больше сейчас будем говорить о Западной Европе.

Итак, после традиционно теплого 1311 года, последовали четыре хмурых и дождливых лета 1312—1315 гг. Всю

весну и лето продолжались дожди, а температура оставалась прохладной. В таких условиях зерно не могло созреть, что приводило к повсеместным неурожаям.

В Англии, например, с осени 1313-го, а во Франции с осени 1314-го, стал формироваться устойчивый снежный покров: явление, почти исчезнувшее с середины IX века.

Сильные дожди и необыкновенно суровые зимы привели к гибели нескольких урожаев и вымерзанию фруктовых садов в Англии, Шотландии, северной Франции и Германии. В Шотландии и северной Германии прекратилось виноградарство и производство вин. Зимние заморозки стали поражать даже северную Италию, где в том же XIV веке хронисты нередко упоминают снег, никогда прежде невидимый.

Прямым следствием этого был Великий голод первой половины XIV века.

Но неурожай были далеко не единственной проблемой.

Из-за климатических неурядиц и связанных с ними болезней, поголовье овец и крупного рогатого скота сократилось почти на 80%. Все это вылилось в системный кризис всего феодального хозяйства – попытки возобновления барщины и, как следствие, крупные и традиционно кровавые крестьянские восстания по всей Европе.

На «Земле-2» все это тоже было, но беды еще и не ограничились одним только холодом и голодом. Изменились сама основа их мира и ослабили его стены. Поистине ужасные последствия имело открытие множества врат из иных планов

бытия между 1315-1320 гг.

Очень древние, казалось бы, давно забытые или прежде совершенно неизвестные боги, полубоги, демоны и множество других могущественных существ, смогли проникнуть в этот мир. Едва оказавшись здесь, они принялись самозабвенно биться, интриговать и соперничать друг с другом, захватывая владения, ограниченные лишь собственными силами, умением и, наверное, удачей...

Многие из них были повержены в этой борьбе, другие – ослабли, были низвергнуты, заточены или подчинены сильнейшими. Третьи – наоборот неимоверно усилились.

В свою очередь множество слуг этих существ, что нередко и сами были довольно сильны, оказались призваны на службу победителями, уничтожены или сумели сбежать, что рождало и вовсе странные, подчас совершенно курьезные сочетания Зла.

Действительно, в глазах людей пришельцы и были самым настоящим Злом. Пусть на самом деле и не все из них опирались на тьму. Но обитателям немногих устоявших городов и замков, да и человечеству в целом, в тот момент было не до исследований.

В этой битве гигантов – люди были на положении сродни «муравьям». Главное – просто не попасть по чью-то безжалостно-равнодушную ногу, не стать сиюминутной разменной монетой в руках существ, чьи возможности они пока просто не могли оценить.

Немалую часть своих сил Могущественные потратили, еще прорываясь «воплоти» сквозь ткань миров. Но шли годы, и чтобы стать частью нового мира, создать якоря и начать использовать его энергии, нужна была передышка. Чтобы в этот момент никто не пытался тебя вытолкнуть назад, поджарить или пленить. Поэтому самые ужасные магические войны отгремели довольно быстро.

Те, кто смог договориться с соседями о нейтралитете и границах, получили шанс укрепиться обжиться и усилиться. Кто не смог – растратил силы и был развоплощен или изгнан. Пока настороженные Повелители укреплялись – плодили слуг, копили силы и вообще искали возможности – у людей, казалось, появился шанс оглядеться, но не тут-то было.

Почти как и в канонической земной истории, в середине XIV века грянула чума – Черная смерть. Чего в ней было больше – земных или магических причин, мнения на эту тему разделились – но ее грязные пальцы еще раз массово проредили число уцелевших человеческих анклавов.

К моменту описываемых событий Центральная Европа едва-едва начала приходить в себя.

Уже в первые дни после открытия врат, пришельцы не раз пытались использовать людей. Их тогда было еще много, и Могущественные не раз и ни два пытались подчинить какое-нибудь из поселений магически, чтобы натравить на соперника, а пока тот станет отбиваться, получить хоть мгно-

вание передышки и попытаться им воспользоваться.

И именно тогда выяснилась одна важная особенность.

Ни Христос, ни Аллах, ни Будда или Шива— ни один из по-настоящему сильных земных богов не пришли на помощь своим последователям. В отличие от полудемонов африканских лесов или индийских джунглей. Но любой правильно освященный храм стал недостижим для магических существ, как бы они не были сильны. А если на нем еще и были установлены колокола, то любые магические конструкты или существа, живущие лишь за счет магии, не могли выжить на расстоянии, где был слышен их звук.

Самые могущественные вампиры, великаны, духи стихий или даже их хозяева — все они погибали или как минимум развоплощались, стоило только оказаться слишком близко к христианским церквям или буддистским пагодам. Получил такую же власть и голос муэдзина, когда он призывает правоверных на молитву, но только в мечети, устроенной с соблюдением некоего несложного, но строгого канона.

Это чудо не сделало города и замки неприступными. В конце концов, сильному демону или полубогу не обязательно приближаться к стенам, чтобы их разрушить. Достаточно, например, метнуть в них камень с расстояния, на котором не слышны смертельно опасные звуки. Точно так же и некоторым их слугам никакие колокола не мешали прийти, и перерезать тебе глотку в бою.

Но этот дар заставил пришельцев сначала хотя бы начать

принимать людей во внимание. А когда служители человеческих богов сумели разобраться в своих новых возможностях, то Могушественные и вовсе вынуждены были начать еще и опасаться некоторых «слабосильных козявок...»

* * *

Поэтому-то колокола в местных церквях теперь «отбивали» почти по любому поводу. Перед началом мессы – одно число ударов, полдень – другое, появление каравана – тоже сигнал...

По словам переговорщика прибыли они прямо из Дижона. Во-первых, верхом, что для отряда из четырех человек само по себе было непросто. Во-вторых, по дороге они ночевали в лесу. А это в глазах местных и вовсе превращало их путешествие в непонятную авантюру.

Немалая часть нечисти плохо относилась к проточной воде, а потому если речь шла о реке или море, кого-то удивить даже самым дальним и многодневным переходом было трудно. А вот по суше выжившие люди почти отвыкли передвигаться, без возможности оказаться на ночлеге в защищенном и церковью, и каменными стенами месте.

Многие слуги Зла даже при самой экзотической внешности никаким Злом по факту не являлись. Например, самые распространенные в Европе – гоблины или орки. Ни святости, ни церковных колоколов они не опасались, поэтому даже самые религиозные путешественника спать предпочитали за надежными укреплениями.

Кстати, странная штука! Мне почему-то показалось, что именно в этот момент дядюшка по-настоящему и заинтересовался этим предложением, вместо того, чтобы проявить здоровую гм, осторожность.

– Мне нужно переговорить с моим господином, наедине, – без обиняков сообщил он гостю, и тот сразу же вышел во двор, не высказав никакого недовольства.

– Ну?

– Соглашайся! – тут же сообщил наставник. – Только возьми с него не меньше половины ливра в месяц. Нам придется нанять служанку, да и прикупить кое-чего по мелочи...

– Сколько? – искренне удивился я; названная цена была раза в два выше, чем проживание в трактире за то же время.

– О, будь уверен, мой мальчик, они согласятся! Только оговори еще ряд дополнительных условий, – подмигнул, отчего-то изрядно оживившийся наставник, после чего принялся забрасывать меня «уточнениями».

* **Альма-матер** (лат. [alma mater] буквально «кормящая мать» или «мать-кормилица») – старинное неформальное название учебных заведений, обычно университетов. В этом мире – и гильдий магии, поскольку большинство из них занималось еще и магическим образованием своих членов.

Глава 3. Так, говоришь, подзаработать?

Городок Бон-сюр-Сон, все еще тот же день
(10 февраля 1402 года, вторая половина дня)

Когда наставник начал повторяться, я не выдержал и прервал этот нескончаемый поток рационализаторским предложением.

– Дядюшка, ты же предлагаешь мне сейчас сказать все это сначала нашему гостю, а потом – еще и его господину, когда мы станем заключать усам договор? – дождавшись осторожного кивка, продолжил. – Так может, слуге сообщишь сам, а я пойду, попробую нанять служанку? Если маг согласится, в чем ты так уверен, то они же поселятся прямо сегодня. Не собираюсь я им готовить, да и ты мог бы провести свой вечер куда интереснее... Ну или хотя бы с меньшими хлопотами?

Подчеркнуто смущенная улыбка, должна была хоть как-то скрасить намек, что хозяин все-таки я. Наставник задумчиво нахмурился, что-то там взвесил, насмешливо хмыкнул и дал отмашку: вали, мол, отсюда, черт речистый.

– Только мне понадобится немного «серебра», – сообщил я, сохраняя просительно-смущенное выражение на лице. – Вряд ли удастся нанять служанку без задатка...

Небольшой кожаный мешок, так же молча извлеченный

наставников откуда-то из складок одежды, перекочевал ко мне в карман. Правда, теперь уже я все-таки получил еще один совет:

– Не предлагай больше одного «денье»* за рабочий день. Этого более чем достаточно в наших краях. Лучше потом, если посчитаешь, что девка старается и достойна большего, время от времени станешь добавлять ей отдельно, в виде награды монету-другую. Или подарок какой-нибудь сделаешь. Небольшое колечко, брошку, красивую ленту в волосы или отрез ткани на новое платье. Это ни к чему тебя не обяжет и не введет в большие расходы, но ей будет приятно и поддержит в ней желание еще больше стараться. Все выгода! Иди уже... – снова хмыкнул дядюшка, только на этот раз как-то своим и, судя по всему, довольно игривым мыслям. – Только позови мне этого щеголя дижонского! – выкрикнул он уже в спину.

Я уже успел выскочить во двор, дверь – оставалась распахнута, и гость не мог не слышать. Вряд ли ему понравились эпитеты, но судя по умению владеть лицом, маг не ошибся, когда решил доверить ему вести переговоры.

Насмешливо подмигнув ему, я покинул двор, не оглядываясь. И не сомневаясь на счет того, кому именно предложить эту работу.

Пройдя мимо нескольких подворий в сторону центра, я скрылся в небогатом, но вполне ухоженном дворе на нашей же улице. Осторожно постучал в покосившуюся от времени

дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

...Наш сосед Натан, прозванный «Кривым», в отличие от большинства носителей такого когномена* обладал полным набором глаз. Лет двадцать назад какая-то тварь изуродовала ему своими когтями правую половину лица, но повезло – зрения не лишила. Сейчас ему было немногим за тридцать, и теперь можно было уверенно подытожить: это «украшение» вряд ли чем помешало ему устроить свою жизнь.

Сосед успел жениться, завести одну за другой шесть дочек, и получить известность среди местных купцов, как честный и исполнительный работник. Он всегда готов был за сравнительно небольшие, но справедливые деньги, подрядиться на погрузку и охрану товара, помахать веслом, ну или взяться присматривать за животными во время короткого перехода в одно из ближайших поселений.

Местные купцы платили за такую работу чуть больше, чем она стоила на самом деле, просто потому, что это все равно было куда дешевле, чем брать кого-то на постоянной основе. Народ вокруг был хоть как-то пристроен, а те, кто нет – давно уже вымерли во время очередного голода или продались с головой, чтобы этого избежать. Конечно, если повезло найти хозяина, желающего потратиться.

Недоступен для предложений Кривой Натан был только некоторое время весной и осенью, когда занимался своим личным полем. Выращенные им самим «перловые» (ячмень) и гороховые каши, похлебки и супы – были основой семей-

ного рациона. Даже в неурожайный год он умудрялся вырастить достаточно, чтобы не умереть с голоду. Если выросло хоть что-то вообще.

– Мое почтение, сосед! – сообщил я всему честному семейству, что, как и ожидалось, проводило большую часть позимнему свободного времени у очага в тепле. – Хочу нанять кого-то из твоих дочерей. Нужно готовить и обстирывать 6-7 мужей, ну и присматривать за порядком в моей усадьбе.

– Ко-ого? – удивленно протянул сосед.

Судя по интонации, вопрос был скорее риторическим, и близким по замыслу то ли к русскому дворовому «Какого хр@на?», то ли к куда более приличному варианту, вроде «Что ты тут несёшь?» Одно было, несомненно: пока мое предложение не заинтересовало хозяина, но я слишком уж давно был в продажах, чтобы позволить так легко сбить себя с толку:

– Сегодня ко мне на подворье въедут жильцы. Ни я, ни мой потерявший ногу дядюшка, ни в состоянии, да и не собираемся готовить и обстирывать их. Поэтому согласен пригласить кого-то из работающих соседок и платить ей серебряный денье ежедневно. Задаток – плата за первую неделю. Если мои будущие жильцы передумают, и служанка нам не понадобится, девчонка сможет оставить монеты себе. За беспокойство...

Вместе с началом своей проникновенной речи, я отцепил от пояса кошель, полученный у наставника, медленно рас-

тянул завязки, и так же неторопливо принялся отсчитывать монеты из него.

Все они выглядели сильно не новыми, но ни обрезанных, ни как-то иначе попорченных монет там не оказалось, а значит, все они считались полновесными и могли служить законным платежным средством.

При схожести формы, материала, в общем-то, однотипных штампах и повторяющихся надписях, ни одна монета на другую не походила. Это были первые местные деньги, что я видел «вживую», а не извлекал их изображения из памяти, поэтому мне и самому искренне было интересно посмотреть и пощупать. Что я и проделал.

Взгляд соседа так и вовсе, как сфокусировался на моих руках, так безотрывно, словно приклеенный, и сопровождал появление на свет каждого нового кусочка серебра.

– Так что думаешь о моем предложении?

– А кого хочешь ...позвать? – с трудом отвлекся сосед, судя по всему уже успевший привыкнуть к этой мысли и пересмотреть первоначальное отношение к ней.

– Мне вроде все равно, дочери же у тебя все работающие, но пусть будет, может быть, твоя старшая? Соланж, ты сама-то, что об этом думаешь?

Стрельнув глазами в сторону отца, она ответила довольно взвешенно и нейтрально:

– Если батюшка не против, то думаю, можно было бы попробовать. Нам серебро не будет лишним...

Недоверчиво глянув на подозрительно скромную и послушную дочку, сосед снова прикипел взглядом сначала к вернувшемуся на пояс кошелю, а потом и к моей ладони, которой я принялся равнодушно подбрасывать горсть глухо звякающих монет.

– Оно, наверное, и можно было бы, только как бы беды какой не вышло... Молодая, глупая, кто ее замуж потом возьмет, если мы с матерью не успеем за ее девством?!

– Как так-то, – совершенно искренне удивился я, забывшись, где нахожусь, – ей же лет восемнадцать, и все еще девственница?

Лицо девушки полыхнуло смесью возмущения и недоумения, а вот Натан, который вообще-то мог и в морду дать, почему-то остался равнодушным. Хозяин лишь «попытался» изобразить неодобрение, впрочем, без особого старания.

Не дождавшись нужной реакции от отца, Соланж снова заговорила.

– Конечно же, я невинна! – строго сообщила она.

При субтильном телосложении, грудь ее набухла не меньше чем до условно «третьего размера», бедра заметно раздались, и все это – буквально с осени. В памяти Дирка, который в последние два года изрядно заинтересовался окружающими девицами, отпечатались совсем другой образ.

– Прости меня, уважаемый сосед, но советую тебе крепко запомнить это ее выражение лица!

– С чего это? – снова оживился тот.

– Всегда полезно знать выражение, с которым тебе врут, – продолжил я отжигать, уже понимая, что зарвался, но не в силах остановиться.

Сосед вдруг неожиданно заржал. Заливисто и с удовольствием:

– Эх ты ее припечатал, что дошли уже слухи? – отсмеявшись, он заговорил, неожиданно по-свойски, как с равным. – И не говорит ведь, кто это был. Хорошо хоть дитё не приключилось, так бы и вовсе позору не оберешься...

Опасаясь ляпнуть что-нибудь невпопад и все испортить, во время его речи я не разомкнул рта. Так и стоял, сохраняя на лице участливое выражение, и сдержанность оправдалась.

Сосед глянул с явным уважением и сообщил:

– Ладно, давай свое серебро. Я ее сейчас по-отечески наставлю – это наше семейное дело, и другим присутствовать не след, – а ты иди! Она придет немного позже...

Мы ударили по рукам, семь серебряных денье перековывали в его мозолистую руку, и я покинул их дом, с удивлением осознав, что кажется, переживаю, как бы маг не передумал вселяться.

* * *

По возвращению назад я испытал самое настоящее дежавю* и легкий приступ паники. В доме была тишина, и лишь дядюшка сидел у очага и «тюкал» очередное полено.

– О, все отменилось? – сожаление сейчас скрыть не получилось бы даже у Станиславского.

– Нет, Дирк, все хорошо! – наставник понимающе улыбнулся и снова вернулся к работе. – Болтливый прохиндей ушел за своим хозяином и его имуществом. Сейчас они, наверное, все еще в трактире. Я его предупредил, что время к вечеру и из еды у нас только вчерашняя каша. Она, кстати, вовсе не дурна! Из Эммы получилась не только терпеливая сиделка, но и умелая хозяйка...

«Тюк! Тюк! Тюк!» – руки Жана работали в своем, отточенном годами тренировок ритме, не особо отвлекаясь на разговоры.

– Дядюшка, ты знаешь, я пока возвращался, все посчитал, и получается – не так уж много мы и заработаем. Не хватит даже за лечение расплатиться... – немного подумав, я уточнил. – Наверное, придется попросить родню об отсрочке...

– Гм, «по дороге», ты же к Натану ходил? – дождавшись кивка, он снова отвернулся, и продолжил, уже не скрывая иронии. – Тут же не будет и сорока шагов, что ты там мог насчитать так быстро?!

– А что там считать? – удивился я, и принялся рассуждать вслух.

Один ливр равен 20 солидам, 240 денье или 480 оболам.

Три месяца аренды по половине ливра за месяц – это 30 солидов или 360 денье. Или, если хочешь, 720 оболам. Но последнее – нам, думаю, без надобности.

30 солидов, или полтора ливра – это то, что мы получим. Но из них еще надо будет платить натановской дочке по

одному денье в день. Если округлить, то три месяца – это 90 дней и значит – 90 денье расходов. Один солид – равен 12 денье, а значит 90 денье, которые ей причитаются – это 7,5 солидов.

Крупы у нас достаточно, а вот мяса на столько едоков хватит разве что на полмесяца. Поэтому думаю, будет разумно купить хорошего бычка.

За двухлетку потребуют не меньше 2 солидов.

От 30 су дохода отнимает 7,5 су (за обслуживание) и 2 су (на мясо), в итоге нам остается лишь 20,5 солидов.

Правда, это всего лишь – 1 ливр и 6 денье, а нам нужно отдать за лечение 1,5 ливра. И значит, не хватает – 9,5 су или 114 денье. Даже если они проживут у нас не три, а четыре месяца, то с учетом еды-стирки-уборки-готовки, все равно не получается...

– В оболах-то считать? – мой последний вопрос уже просто сочился ничем не прикрытым сарказмом.

– Да ты будто не в кровати провалялся, а у кого-то из купцов в подручных полгода пробыл... – голос дядюшки, когда он пришел в себя, показывал высшую степень изумления. – Вот это удивил, так удивил... Да тебе и правда можно в торговцы!

Немного помолчав, и даже на время отложив топор, дядюшка Жан вздохнул, и поделился воспоминаниями о моем спасении, чего в остальное время избегал. Наверное, из-за сожалений о потерянной ноге:

– Эх, мы пока тебя устраивали на коня, срубили парочку самых шустрых гоблинов. Будь возможность, обязательно бы распотрошили их и, глядишь, подзаработали. Но там они так отчаянно поперли на нас, что был риск самим остаться...

... Сначала пришло удивление: мол, какие еще «потроха». Но через секунду у меня случилось очередное и уже привычное прозрение. Память выдала новый, прежде не доступный «пакет» воспоминаний Дирка, и там было, отчего удивиться.

Оказалось, большая часть подручных у всех этих демонов, богов и полубогов, та, что не боялась колоколов и более-менее противостояла святости, в новом мире чувствовали себя не самым лучшим образом.

Те же гоблины, например, лучше всего подходили для прислуживания. Они мало того, что сами по себе были откровенно слабы и трусоваты. Так они еще и плодились здесь не очень охотно. Но их можно было «усовершенствовать».

При малой толике магии и строгой мясной диете – лучше всего тут была человечина – их самки способны были всего за три месяца выносить вместо обычного детеныша, куда более сильного, агрессивного и сообразительного «хобгоблина».

Как и родители, он мог приближаться к храмам, не боялся солнечных лучей и святости, опасаясь лишь обычного человеческого оружия, или персонально на него направленной магии. Вырастал такой вот «усовершенствованный гоблин», как и обычный – всего за год, но был, к сожалению, стерилен.

Еще более высокими бойцовскими качествами отличались и точно такие же магически измененные «орки-урук-хай». Да, они тоже были стерильны, но зато сильны, легко обучаемы, и достаточно храбры, чтобы воевать строем, почти как люди.

В общем, чтобы усилиться, племенам зеленокожих нужна была человечина. Но и люди, оказывается, не брезговали плотью чужаков. Правда, чтобы правильно заготовить и потом использовать, люди тоже не могли обойтись без помощи магии. А это «товар» еще более редкий.

В нашем городке, например, обработкой добытого могли заняться всего двое. Довольно талантливая знахарка, что вылечила нас с наставников, и здешний священник. Очень старый и с еле заметным даром, но зато очень опытный.

Но двое – это потому, что город наш пусть и небольшой, а торговый. В обычных поселениях с этим было куда хуже.

«...Блин, дядюшка-то не об упущенной прибыли печется, – неожиданно сообразил я. – О ноге он своей переживает! Ну да, печально, что не удалось ее сохранить, и вдвойне грустно, что возможность ведь такая была...»

* * *

Жильцы объявились через пару часов, уже ближе к закату. Заранее проконсультированный наставником, посланец сам распахнул ворота, и двор наполнился верховыми и выючными животными. Путешественники тут же принялись снимать с них поклажу, заносить и распаковывать поклажу в за-

ранее назначенных комнатах. Уж чего-чего, а пустых помещений в доме хватало, и появление в нем шумной компании и всей этой суеты, неожиданно зацепило меня.

Даже кучи навоза, которые тут же навалили рослые холёные коняги, отозвались каким-то щемяще-ностальгическим сожалением, хотя, казалось бы, истребленная здесь семья имеет ко мне самое не очевидное отношение.

Судя по всему, у дядюшки похожий процесс протекал куда острее, и сейчас ему явно было непросто...

Соланж, появилась всего лишь на полчаса раньше гостей. Поначалу она принялась немного беспорядочно, но целеустремленно наводить порядок в доме, но стоило ввалиться этой веселой и пахнувшей вином компании, как та не смогла удержаться, и с провинциальным смущением принялась вносить свою лепту в весь этот сумбур.

Наши жильцы были опытными путешественниками.

Не желая тратить силы на объяснение, они поначалу просто игнорировали девчонку, но потом, куда более старший на фоне остальных воин лет 35-37-ми, извлек из поклажи «плетеную» бутылку литра на два, какую-то маленькую коробочку, и велел девушке подогреть вина со специями.

Судя по длинному «рыцарскому» мечу-бастарду у седла, именно он числился в их компании ретранслятором «грубой физической силы». Но, как оказалось, не брезговал мужик и тягой к разумной «оптимизации».

Предводителем оказался обладатель светлых жиденских

усиков и горделивой манеры держаться – дижонский магик Вальдемар цу Бабенберг, чей род происходил откуда-то из Баварии.

Худощавый, подвижный парень лет 18-20. не брезговал и дорожной работой. С первого взгляда на него стало понятно, кому подражал его щеголь-посланец. Студент-лиценциат тратил на свои наряды и украшения на порядок больше, но держался при этом куда естественней.

Когда предварительная суета была закончена, мы все собрались у очага, чтобы как полагается двум предводителям, наконец-то заключить договор аренды, медленно и мучительно перечисляя все пункты. Но гость вытащил из сумки кошель с серебром, положил его на стол передо мной, и тут же сломал церемонию, предложив скопом утвердить все условия, что мы оговорили с его слугой.

Выяснив, что больше ни у кого нет вопросов и уточнений, он перешел к главному.

– Судя по тому, как рачительно твой помощник смог выжать нас, – вполне одобрительно ухмыльнулся маг, – вы примерно догадываетесь, зачем я здесь. Да, в ваших краях давно не было никого из нашей гильдии, поэтому я хочу подзаработать. Пощипать местные логова, заготовить сколько-то требухи подороже, но перед этим, пока еще твари ничего такого не ждут и не зашевелились, собираюсь наведаться в замок Ла Рош-Ноэль. Как я слышал, из все еще живых вы единственные, кто были там, а ты, – подмигнул Вальдемар, – так и во-

все умудрился погостить внутри?

От этих слов у меня внутри все похолодело, оптимистичное настроение сменилось на свою противоположность и, кажется, даже давление умудрилось скакнуть.

– Как на счет подзаработать? – продолжал лучиться оптимизмом гость.

«Вот сука, так ведь и знал...»

* **Денье** (фр. [denier] от лат. [denarius] денарий) – французская средневековая разменная монета, бывшая в обращении по всей Западной Европе начиная с V века. Чеканилась в подражание римским денариям, и 12 денье – составляли счетную единицу «солид» (соль, су).

Ливр (фунт) серебром – состоял из 20 солидов или 240 денье, а самой мелкой французской монетой был серебряный же «обол» = 1/2 денье.

* **Когномен** (в Древнем Риме) – часть полного имени человека, индивидуальное прозвище, данное некогда кому-либо из представителей рода и часто переходившее на потомков и становившееся названием семьи или отдельной ветви рода. *Здесь* – термин использован в ироничном смысле, хотя прозвища в средние века использовались точно так же.

* **Дежавю** (фр. [déjà vu] уже видел) – психическое состояние, при котором человек ощущает, что когда-то уже был в подобной ситуации или в подобном месте. Однако, испытывая такое чувство, обычно он не может, несмотря на его

силу, связать это «воспоминание» с конкретным моментом из прошлого. *Здесь* – использовано в переносном смысле.

Глава 4. Перекрестки

Развалины селения Сен-Лу, утро

(12 февраля 1402 года, два дня спустя)

Судьба и История, судя по всему, всегда возьмут свое.

В этом мире не случилось кровавой Столетней войны, но смерти и страданий на его долю все равно пришлось более чем вволю. Сжираемые десятками тысяч ежедневно европейцы, в начале прошлого столетия вообще проигнорировали разборки Плантагенетов и Капетингов. Да и сами изрядно обессиленные королевские дома, не стремились раздуть «из мухи слона».

По воспоминаниям Дирка реальных «элефантов» (слонов) в тех странах, где они жили, в большинстве своем извели почти сразу после открытия врат. Купцы рассказывали, что приученных людьми и не способных сбежать из ставших ловушками каменных стен своих «слоновников».

В первые годы после вторжения, многие демоны умудрялись выкармливать армии в десятки тысяч хобгоблинов, урукхаев и прочих элитных слуг и бойцов. Но постепенно ресурсы истощались, немногочисленные анклавы людей учились сопротивляться, и сейчас мало у кого даже из самых могущественных пришельцев-повелителей была под рукой хотя бы пара сотен таких подручных.

Демоническая междоусобица, что по-прежнему не пре-

кращалась ни на день, к началу нынешнего века выглядела так: предательством или какой-нибудь особо изощренной хитростью захватить ближайший человеческий анклав и пустить его жителей на корм. Вырастив армию боевых слуг, уже с их помощью попытаться или захватить новых, или истощить силы соперника, а потом и добить его лично.

И лучше всего не изгнать, или каким-то иным способом развеять.

А заточить врага в артефакт, может быть, расчленив или разорвать на куски, чтобы отделить саму его суть. Найти то, что давало побежденному силы, и теперь уже стать влиятельнее по-настоящему. А не с помощью сильных, но недолговечных, строптивых и неспособных к размножению прислугников.

И вся земля сейчас была наполнена следами вот таких позабытых попыток...

...Деревушку примерно в 7 км на северо-запад от родного города Дирка собственная церковь не спасла просто потому, что стен здесь не было. Местный звонарь, или может быть сам священник, вполне возможно до последнего бил в колокола, но вряд ли это его спасло.

Кто именно ворвался сюда, перебил жителей, разграбил их имущество и разрушил постройки, память не сохранила. Место, где когда-то жили люди, точнее – его развалины, – сейчас годилось лишь на роль одного из ориентиров по пути в бывшую столицу графства.

Правда, караваны ходили туда не настолько часто, и полноценная дорога почти за столетие ужалась до торговой тропы. Она брала начало от Бона-на-Соне, огибала вот эти развалины, и дальше уже не так сильно, петляла до самых городских ворот «настоящего» Бона. Захиревшего, конечно, но все еще не маленького, однако сегодня мы туда не собирались.

К открытию ворот наш отряд уже готов был выдвинуться за городские стены и вот, спустя два часа мы здесь. Единственное полноценное ответвление торговой тропы, прямо перед руинами сворачивало строго на запад, и вело к тому самому замку, где меня едва не переработали в гоблинское дерьмо.

До бывшей столицы графства Бонуа отсюда было 14-15 км. А вот до холма, на котором стоял замок Ла Рош-Ноэль предстояло телепать почти вдвое дольше – не меньше 26-28 км или «около 13 тысяч туазов»*. Сам я пути ни туда, ни обратно не запомнил, но дядюшка поведал все необходимые подробности еще в день знакомства с нашими жильцами.

Он, кстати, считал, что для первой «пробной» атаки лучше бы выбрать цель попроще.

Наставник был отчего-то уверен, что Могущественный, в чьи владения изначально вошла весомая часть графства, территорию сейчас не контролирует. С его слов получалось: все местные «гнезда» пока сами по себе, и экспериментировать можно было бы безболезненно, но твердых доказа-

тельств у него не нашлось, и спора с магом не получилось.

Дядюшка и правда, был не до конца уверен в своих сведениях. Тем более что за время болезни они же могли и устареть. Да и чувствовалось – щеголь-лицензиат моему наставнику внушает некоторое уважение, а такое с ним случалось не часто...

За день до отъезда произошло несколько важных событий.

Во-первых, двоюродный брат, с которым я накануне поругался, действительно, привел нашего – теперь уже моего – жеребца. После короткого осмотра, стало понятно, что с тем все хорошо, и уж он-то как раз полностью готов к участию в запланированном налете.

Удивительно, но поначалу родственник и денег брать «не хотел». Или как минимум, старался произвести такое впечатление. Когда Жан выдал мне недостающее серебро, и я с видом миллиардера на отдыхе протянул тому кошель. А он мне – не, надо!

Нет, деньги он все-таки взял, но и впрямь очень не сразу.

На мои удивленные расспросы двоюродным братцем была озвучена уже новая версия: мол, дорогого боевого жеребца забрали на сохранение. «Чтобы он не заболел, потому что другой живности у тебя после налета не осталось, и в конюшне было слишком холодно...»

Так это или нет, но версию пришлось принять, и даже принести извинения. Абсолютно формальные, но вот так...

Возвращение Роха (Грача) и само по себе могло быть отличной новостью, но днем ранее произошло еще одно событие, сделавшее появление у меня собственного транспорта вдвойне важным.

Еще в вечер знакомства с жильцами, когда мы обсуждали планы мага и дядюшка удивился: мол, все хорошо, но как же Дирк будет во всем этом участвовать? Мол, алё, вы не забыли, он же еле-еле ходит? Ну ладно, туда он доедет, но придется же драться...

Казалось бы, действительно, незадача. Чтобы прийти в себя по всем прикидкам мне предстояло шкандыбать еще не меньше пары недель. В лучшем случае. Но оказалось, что об этой проблеме молодой маг уже побеспокоился.

Одним взглядом отправив слугу-переговорщика в свою комнату (а это и впрямь однозначно подтверждало версию, что они об этом уже говорили), он дождался его возвращения, принял из рук парня небольшую деревянную коробку, аккуратно поставил ее на стол, и немного нарочито распахнул, дав полюбоваться на содержимое всем присутствующим.

Внутри лежало что-то непонятное.

Больше всего предмет напоминал черно-красный кусок изюма, с нанесенным на одну из сторон – немного подшлифованную – неизвестного мне знака. Только «изюм» размером с кулак. Хотя пах он скорее специями, чем фруктами.

На мой недоуменно-вопросительный взгляд, дядюшка от-

ветил – радостно-восхищенным.

В памяти Дирка ничего такого и правда не нашлось, поэтому я испытал неловкость, но настаивать на срочных пояснениях не стал. Даже когда меня посадили посреди комнаты, маг все так же подчеркнуто уважительно извлек «изюминку» и ...сунул мне ее за пояс, чтобы она непременно касалась кожи в нижней части живота.

Поначалу «ценная гадость» немного холодила кожу, но и все...

После этого маг сделал шаг назад, знаком велел мне не шевелиться, и принялся читать на какой-то очень странной латыни текст, больше похожий на религиозный гимн. Нараспев, со множеством упоминаний бога-отца, его сына, кого-то еще – и, конечно же, очень многословные пожелания здоровья уже мне.

Еще через минуту живот очень сильно нагрелся, «изюминка» обратилась в пыль, а мне – просто ужасно захотелось спать. Проснувшись на следующий день еще до рассвета, я вдруг неожиданно осознал, что от прежней болезненной слабости ни осталось и следа.

Чуть позже дядя объяснил, что это была очень умело обработанная печень орка, и если наша компания в ближайшие три месяца добудет, а гость-лицензиат обработает хотя бы дюжину-две таких же, моей доли денег хватит нам года на два.

Когда мы расплатились с родственниками, я не сомневал-

ся, что у дядюшки где-то в загашнике припасено еще серебро. По крайней мере, до всех этих новостей он же не особо переживал о необходимости отдать полтора ливра? Тем более – благодаря сделке с новыми жильцами удалось даже сэкономить. Но в том, что у нас хватит денег, чтобы купить нечто подобное – тут я сомневался уже всерьез. И как выяснилось, правильно делал.

Одноразовый артефакт «Глоток жизни» стоил не меньше 5 ливров серебром (2 флорина золотом), куча денег! И это еще очень-очень по знакомству!

В нашем городке его, например, было не достать. Их вообще всегда не хватало, поэтому обычно торговали с весомой наценкой. Правда, со слов наставника выходило, что маг заверил: мол, беспокоиться не стоит, я получаю артефакт в качестве аванса, потому что ждать, пока выздоровею обычным способом – чистый убыток...

Ну да, лечение, даже такое недешевое, было необходимо. Но Вальдемар собирался выделить мне еще и одну из своих лошадей. Невозможно пешим, сопровождать полностью конный отряд. И все вот вроде отлично, по крайней мере, на взгляд Александра Кузнецова, успевшего привыкнуть жить в долг.

Но в глазах Дирка\Теодориха все выглядело совсем не так однозначно.

Если к 5 ливрам (минимум) прибавить еще и необходимость взять коня, который приравнивался здесь к «ору-

жую», то де-факто маг уже получал и право требовать с меня «службу». Почти как с принесшего ему клятву здоровья-ка-дружинника.

А не так, как сейчас, когда я просто за долю в добыче присоединился к их отряду, и в любой момент имею право уехать. Он получал моральное право ждать подчинения в заметно более опасных ситуациях, чем следовало бы...

В общем, возвращение коня, оказалось не только приятной неожиданностью, но и очень-очень кстати.

Наверное, поэтому сейчас, во время короткой стоянки у развалин – не смотря на усталость, я не воспользовался возможностью отдохнуть, а вернулся к нему, и принялся заботливо перепроверять упряжь, выбил из снега кусок прошлогодней травы – короче проявлял искреннюю заботу.

* * *

Руины селения Сен-Лу, первая половина дня

Стоянку маг объявил минут десять назад. Хотя точнее будет – он ее просто «констатировал».

Стоило нам добраться сюда, как Карл – тот самый носитель меча-бастарда, грубой физической силы и некоторой тяги к рационализаторству – выдвинулся вперед, чтобы осмотреться.

На этот раз свой образ он дополнил явно недешевой кирасой* и коротким, подшитым мехом плащом. Кираса на нем была «черненной», но без каких-либо еще улучшений или украшательств. Вполне очевидно, воин отдавал должное

факту, что он в боевом походе и привлекать к себе внимание – не лучшая идея.

Мы в это время спешили, привязали коней с наветренной стороны ближайших развалин, и разбрелись в поисках укрытий уже для себя.

На торговой тропе, да и вообще на открытой местности, снега было немного. Может быть – сантиметров десять-двенадцать. А вот руины за прошедшую часть зимы поднакопить его успели. Наверное, поэтому вглубь разрушенного селения ни кто даже не пытался лезть. Вряд ли там могло остаться хоть что-то интересное, тем более на виду.

Выдернув из ближайшей кучи камней очередной куст, я снова скормил его жеребцу, не выдержал, и потрепал Роха по гриве. От того остро тянуло потом, солоноватый привкус которого неожиданно наполнил мне море.

«Да, здесь народ, поди, и не рискует приближаться к водичке. По крайней мере, чтобы просто искупаться...»

– Собираемся! – голос Вальдемара выдернул меня из совершенно неразумного расслабона.

«И правда, средневековье оно само по себе «вечная война», а тут так и вовсе – даже не мировая... – хмыкнув я наконец-то родил. – Межмировая...»

Через пару минут мы уже двигались по куда более заброшенному – западному ответвлению – торговой тропы...

...За прошедшие годы деревья давно уже захватили поля вокруг развалин, но ощущения чащобы пока еще не было.

Новый лес все еще хранил память о прежних открытых пространствах. Но уже всего в километре от руин, даже самые толстокожие почувствовали – да, тут начинается совсем другая местность. Как оказалось, у мага был ответ и на такой случай.

Удивительно, но Арно, тот юный и немного манерный щеголь, первым явившийся на переговоры с нами, он же первым двинулся и сейчас.

Трудно поверить, но именно такой, хлипкий на вид парнишка, числился нашим «передовым дозором». То есть получается, именно ему доверили принять на себя самый опасный, скорее всего, неожиданный удар врага. Карл – здоровяк с длинным мечом-бастардом – в это время присматривал за тылами, замыкая маленький караван.

На счет переговоров – понятно, язык у парня и впрямь подвешен, и ему явно хватает ума позволять слетать с него, лишь строго выверенным словам. Наверное, все-таки не зря Арно считается доверенным слугой своего господина. Но в авангард обычно отправляли особенных людей.

Первую половину пути я двинулся сразу за ним, и меня постоянно одолевала мысль, что кажется, я не знаю об этом парнишке нечто очень важное. Даже в извлеченной на свет бригантине* он не выглядел грозно. Слишком уж она была ...красивой что ли. Как, кстати, и его меч.

Надо же, тот клинок, с которым он пришел к нам, оказывается, считался у него «уличным». В смысле – для мирной

жизни.

А вот новое его оружие было одноручным, и немного напоминало тоненькие шпаги «нового времени», которые здесь еще только предстояло изобрести. Клинок явно был чем-то переходным. И при этом выглядел просто шикарно. Рукоять была украшена такой причудливой вязью золота и серебра, что сознание просто отказывалось верить в возможность тыкать этой красотищей в живых людей. Ну или не людей...

Нет, понятно, что в здешнем времени щедрее всего трагятся на украшение самого надежного и следовательно уже поэтому дорогого оружия, но... В общем, когда мы покинули руины и собрались углубиться в чащу, загадочность юности немного даже подросла.

Во-первых, в первый ряд теперь отправили меня.

Возражать я и не собирался, но если б такая идея только попыталась возникнуть, она тут же завяла бы, стоило мне только рассмотреть почти не прикрытое сомнение, с которым наш предводитель произвел эту рокировку.

А во-вторых – да, речь шла именно об обмене порядковыми номерками.

Теперь уже Арно в нашей кучей колонне должен был двигаться сразу за мной. Мысль, что сейчас уже меня станут пытаться прикончить в первую очередь – если нападут, конечно – была, мягко говоря, не самой вдохновляющей, но не суть.

В этот момент куда интереснее казалось понять, из-за чего

же весь сыр бор?

Если думать, что эта часть пути просто куда опаснее исходных окрестностей города, а меня – не так жалко... С такой мнительностью, следовало прямо сейчас разворачиваться и ехать домой, поэтому этот вариант я рассматривать не стал, прикипев взглядом к происходящему позади.

А посмотреть там было на что.

Приблизившись к своему господину, Арно успел достать из щегольской, как и все у него, поясной сумки непонятный темный комочек. Правда, почти сразу же он развернулся в широкую и расшитую загадочными символами ленту.

А что вы хотите – образование Дирка оставляло желать лучшего. Да и я сам – в этом смысле – от него не так уж и далеко ушел, умудрившись, например, как и все мое поколение, почти десять лет учить, но так и не освоить даже английского. Так что к сплошным секретам и загадкам вокруг – стоило относиться скорее как к норме.

И вот тут они меня удивили!

Размотав полоску во всю длинную, Арно, не говоря худого слова, аккуратным, и каким-то привычным движением вдруг раз – и повязал ее на глаза.

«...Да вы гоните?! В чашобе, где и так хоть что-то видно будет в лучшем случае метров на пять-десять, он еще и повязку завязал? Что за фокусы вы собрались здесь показывать...»

В свою очередь наш лицензиат, очевидно, дождался, что-

бы Арно опустил руки, как бы показывая свою готовность (к чему, блин?) – сделал следующий шаг. Заставив своего мерина приблизиться, он приложил одну ладонь к затылку, другую – к скрытым под тканью глазам парня, и принялся по памяти выдавать текст на уже знакомой «плохой» латыни.

Последние пару фраз – что-то про «хозяев леса», Вальдемар практически выкрикнул, но была откуда-то непонятная уверенность, что пределы опушки голос его не покинул.

И уж совсем «обычным делом» на таком фоне, выглядели вспышки темно-красного света вокруг рук мага. Но на счет последнего – утверждать я не стану. Может быть и показалось...

Словно бы разом потеряв все силы, наш предводитель на мгновение обвис в седле, не потеряв, правда, сознания, после чего усталым, но совершенно обычным образом нашел мой взгляд, и показал в сторону тропы, едва различимой на фоне леса. Подтвердив свой приказ уже кивком, он развернул коня, и приготовился занять место в колонне. Третьим, как и раньше.

* * *

Следующие три-четыре километра не произошло ни то чтобы ничего загадочного, но и просто интересного.

Снега в лесу было, конечно, раза в два больше, чем на условно открытом пространстве перед ним, однако постоянные оттепели почти так же регулярно сменяли заморозки, и все это спрессовало его в такую плотную подушку, что на-

ши животные даже под весом всадников почти не проваливались.

На более-менее открытом месте, наверное, я бы даже сумел разогнать своего жеребца достаточно, чтобы вполне умело ткнуть кого-нибудь копьём. Занятия с дядюшкой учитывали и эту дисциплину, поэтому – было бы кого...

Не дай Бог, конечно!

В общем, не происходило вот вообще ничего хотя бы чуточку любопытного.

Ориентируясь по солнцу, я старался держаться тропы, хотя и осознавал, что вполне возможно, мы сейчас уже двигаемся параллельно ей, к примеру, повторяя натоптанный летом путь каких-нибудь кабанов или оленей.

Их и до Катастрофы хватало, а сейчас – так и вовсе расплодилось видимо-невидимо. Многочисленные следы копыт об этом говорили однозначно.

Арно, со своей обычной безупречной посадкой, ничем не отличался от себя прежнего. Как и остальные, он умело держался своего места в колонне, с легкостью двигаясь, след в след за мной. Разве что повязка на глазах, ну а что – и повязка...

Еще через полчаса и почти два километра, мы выбрались на приметную каменистую поляну, которая была одним из ориентиров выбранной нами тропы.

«О, значит, я все-таки не сбился...»

Где-то здесь – за лесистыми холмами справа от нас – стоял

дом барона Арка. Одного из немногих дворянских родов в графстве, что не только уцелел, но и смог сохранить свое владение.

Сам замок Корсе-лез-Арк – насколько мне известно, выглядел, как здоровенная четырехэтажная каменная коробка со встроенной башней-донжоном. Она давала укреплениям плюс два этажа, а значит – бонус к защите от неожиданного нападения.

Прошлым летом, хозяева смогли даже расширить огороженную территорию, окружив замок еще и двухметровым рвом, недорогим, но достаточно надежным палисадом в виде широкой насыпи из камней и земли, почву для которой взяли здесь же – из рва.

Говорят что по гребню вала, прожили двухметровый же частокол, но судить обо всем этом можно было только благодаря досужим сплетням. Насколько я знал, своими глазами никто из моих спутников замок не видел, да и земляки пересказывали все это тоже с чужих слов...

Однообразность пейзажа и мнимая безопасность, в последние два часа, честно говоря, навевали скуку и сонливость. Поэтому крик голосом Арно «Засада!» и стрелы, густо сыпанувшие из-за деревьев, стали для меня полной неожиданностью.

* **Туаз** – французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы. Один туаз = 1,949 метра.

* **Кираса** (нагрудник, от фр. [cuir bouilli] вываренная кожа) – элемент исторического снаряжения. Состоит из грудной и спинной (реже – лишь из грудной) защитных пластин, изогнутых в соответствии с анатомической формой груди и спины человека. В древности могла изготавливаться из войлока и покрываться прочной кожей или медными листами. Несколько позже появилась цельнометаллическая железная кираса, затем ей на смену пришла стальная. Могла выступать как в роли самостоятельного доспеха, так и быть частью более сложного доспешного комплекса.

* **Бригантина** – доспех из пластин, наклёпанных под суконную или стёганую льняную основу. Основа рыцарских бригантин нередко покрывалась бархатом или другими дорогими и красивыми тканями, иногда с гербами, а заклёпкам придавалась декоративная форма. Возникнув в XIII—XIV веках как элемент военного снаряжения, доступный только для феодалов, к началу XV века получила широкое распространение, став типичным доспехом пехотинца.

Глава 5. Я смогу!

Окрестности замка Курсе-лез-Арк, первая половина дня

(12 февраля 1402 года, тот же день)

Удивительно, как много можно увидеть и запомнить, если мысленно ты уже мертв, но при этом все-таки не сдался. Из полутора десятков стрел покинувших подлесок, мне предназначалась всего одна. Позже я посмеялся над таким пренебрежением и даже пошутил, что это просто унижительно. Но в тот момент был, конечно же, более чем рад.

За мгновение до того, как полетели стрелы, о врагах сообщил Арно. Собственно, это и определило итог схватки: кому жить, а кому умирать. Но – по порядку!

От встречи с предназначенной лично мне стрелой, помог избавиться Рох. Коняга оказался и впрямь «боевым». Как уж он там сообразил это, но в нужный момент жеребец сиганул в сторону, и я остался жив. Было это так резко, что если бы держал в руках меч, то быть мне безоружным. А так – несколько секунд, пока шло «основное сражение», я просто пытался не выпасть из седла...

Все остальные стрелы тоже были потрачены зря.

Предупрежденный своим доверенным слугой (и не подумавшим развязывать глаза), Вальдемар что-то выкрикнул, и пространство между ним и засадой пошло «рябью». Надо

признать – отлично останавливающей смерть. И со стороны выглядело это так, будто в том месте неожиданно заработал какой-то невидимый «обогреватель».

Оперенные гостинцы на таком расстоянии можно было рассмотреть, только если они в тебя уже воткнулись. Ну, или повезло – и воткнулись не в тебя. Так что несколько секунд и в самом деле было ощущение, что стрелы «материализуются» прямо в воздухе.

Но маг был не склонен долго развлекать этим зрелищем окружающих.

«Рябь» еще не прекратилась, а он снова вскинул руку, выкрикнул очередную абракадабру, на его пальце сверкнуло одно из колец и – стрелкам стало разом не до «пуляния» в нас. Густой подлесок на протяжении метров тридцати в ширину как-то разом вспыхнул, и это сразу же прекратило обстрел, да и всякое желание прятаться дальше.

И надо отдать должное – враги и не думали сдаваться.

Потеряв возможность оставаться невидимыми, не меньше десятка орков покинули укрытие, чтобы попробовать силы в ближнем бою. Остальные – то ли были не склонны к таким опасным экспериментам, и бежали сейчас в противоположную сторону, то ли – доигрались – и сейчас были просто не в состоянии продолжать бой.

Сверкнул уже другой перстень на руке лиценциата, страшно громыхнуло, и мага с бегущими врагами на мгновение соединила самая настоящая молния. Троим из них – это сто-

ило жизни, после чего в дело вмешался подоспевший Карл. Вот тут-то его длинный клинок и показал себя.

Гром гремел еще лишь однажды, но кому именно предназначалась молния – не скажу. Мне было не до того...

Да, жизнь мне спас Рох. Он же помог и прикончить единственного лично убитого враг в этом бою.

Когда я наконец-то выпрямился в седле и извлек меч, из леса как раз рванула толпа орущих, довольно уродливых, но явно опасных гадов. А стоило мне вскинуть клинок в готовности рубить, как «чернявый поганец» опять проявила свой бойцовский характер и нежелание отсиживаться.

Почувствовав каким-то образом мою готовность, он подобрался и, мгновенно распрямившись, словно взбесившийся «мерседес» протаранил самый край атакующей группы.

Двое перепуганных орков не ожидали такой подлости и заплатились за свою нерасторопность, а вот одного из нападающих – просто вызывающе удачно подставившегося под мой клинок – я рубанул. С оттягом и, что греха таить, удовольствием.

Правда, попытка использовать тяжелый прямой меч на манер сабли оказалась все-таки не очень удачной.

Нет, орку хватило, и бардовый фонтан, ударивший из смертельной раны где-то между шеей и плечом, лишь чудом не заляпал меня. Но при таком сильном размахе, да еще и вложенной в него инерции коня, клинок углубился в тело чересчур слабо. В глубине души я ожидал, что словно ка-

кой-нибудь мифический герой, развалю тварь пополам, но кажется – даже кольчугу толком не прорубил...

Когда мы с Рохом лихо развернулись прямо перед горящими кустами и собрались дальше рубить и топтать, делать это оказалось не с кем. И вот еще только что, перепуганный до дрожи, я вдруг с удивлением почувствовал... разочарование? Ну, надо же...

Самый волнительный и опьяняющий кураж в моей жизни, чуть туманил разум, бился в моих жилах и делал меня по-настоящему храбрым, но не отнимал при этом и возможности управлять своим телом. Скорее даже наоборот. В этот момент я был опасен, как никогда прежде!

О, да, я готов был схватиться с любым врагом, но в том-то и дело, что тянуло дымом, потрескивал горящий кустарник подлеска, но других врагов и правда, не было. По крайней мере, живых.

Уже намного позже я понял, что надо отдать должное – выжил я все-таки не без помощи спутников. Точнее – благодаря тому, что меня враги посчитали далеко не самым опасным и сосредоточии свои невеликие силы, но моих спутниках. И те действовали, как настоящие профессионалы.

Прямо перед самой атакой, едва мы начали пересекать открытое пространство, как Карл не поленился, и переместился в середину отряда, готовый парировать опасность как спереди, так и сзади. Просто на всякий случай. И именно эта предусмотрительность оказалась очень кстати.

* * *

Последние минуты были настолько – пусть и чисто психологически – значимы, что ощущались, как несколько часов куда более обыденной жизни. Грань между «тогда» и «сейчас» была настолько очевидна, что провести ее не составило бы никакого труда.

Вот сейчас мы скучающе двигаемся по поляне, собираясь ее всего лишь пересечь, а вот – вроде как та же самая, и в то же время совершенно другая поляна. И мы – самое главное мы – тоже сейчас далеко не прежние. И, слава богу, что короткая битва испятнала снег кровью и требухой лишь врагов!

Лишь пораженные магом лежали внешне почти не потревоженные.

Все произошло так быстро, что тела врагов не успели закоченеть, а потому они до сих пор протапливали снег, попавший на открытые участки – своими полу-звериными мордами и почти человеческими руками. Это порождало, по крайней мере, у меня, некоторые неловкие ассоциации. На секунду, например, мне даже подурнело – когда показалось – что немолодой и испещренный старыми шрамами вроде как дохлый гоблин по соседству со мной, все еще жив и ...плачет.

А вот те, кому не повезло отправиться в поля Вечной охоты с «легкой руки» Карла, выглядели так, будто над ними поработал Джек-Потрошитель. Нет, я прекрасно понимал, что дело не в злобе и желании причинять боль или какой-то до-

полнительный «неоправданный» вред.

Просто иногда организм вот очень-очень не хочет умирать.

Ты его ткнул в грудь и собрался осчастливить кого-то еще, а он – не согласился. Пусть всего секундная заминка, но отоварили в итоге, уже тебя. Профессионал до мозга костей, Карл предпочитал бить так, чтобы последствия даже самых неудачных ударов перекрывали самое яростное вражеское желание жить. Тем более, в этом мире существовала еще и магия, да и самые настоящие «живые» мертвецы, чья сопротивляемость дырке от обычно меча, уж точно заметно превосходила человеческую...

Выжидая, пока схлынет ненужный больше адреналин, я покинул седло и принялся подчеркнуто увлеченно осматривать Роха в поисках ран. Нет, все было хорошо и конь не пострадал. Даже не заляпался, хотя снег вокруг выглядел очень «специфично».

А вот я-то, как раз «заляпаться» умудрился.

Сообразив, что на холоде с чисткой лучше не затягивать, извлек из вьюка на седле кусок мешковины, и принялся старательно оттирать кровь сначала с клинка, а затем уже и с одежды. Все пятна, кстати, были на правой стороне.

«...Странно, вроде же мимо все летело, – еще раз прокрутив в памяти то, как зарубил орка, что версию вроде подтверждало. – Откуда тогда? А, точно, с клинка же натекло, пока я гарцевал!»

Никаких больше позывов блевать не случилось, и это оказалось неожиданно приятно.

Скорее всего, дело было в фантазиях о собственной мужественности. Как ты не храбрись, а жизнь – она такая. Хоть раз, но где-нибудь облажаешься. Начальник наехал ни за что, ты промолчал, и вроде плевать на дурня, но нет. Чуть что – и вспомнишь. В итоге в душе почти любого мужчины червячок сомнения на этот счет все-таки живет...

Последнее пятно успело замерзнуть прямо на шикарнейшей поясной сумке, что перед самым отъездом мне подарил дядюшка.

По его словам, это очень дорогая вещь для хранения артефактов. И сама она – фактически артефакт. Только ее сила направлена внутрь, на саму себя. Стоит положить туда магическую вещь, и она словно бы отключается, перестает действовать. Очень удобная штука для тех, у кого нет собственного дара.

И у меня было, что в нее положить!

В воспоминаниях Дирка упоминалась единственная его собственная магическая вещь – «кольцо охотника». Изготовлено оно было в виде перстня для стрельбы из лука, и стоило только его надеть на большой палец правой руки, и все запахи хозяина пропадали. Удобная штука при скрадывании зверей! Благодаря тому, что хранилась она отдельно – в тайнике, – вещь уцелела во время налета.

Но был у кольца и один недостаток.

По словам наставника, если ты сам не маг, управлять им не сможешь, а для враждебных магических существ оно – словно свеча в темноте. Увидят издалека. Так что подарок дядюшки пришелся очень к месту.

...Наконец-то оттерев последнее пятно, я вернул клинок в ножны, мешковину – назад, во выюк, и заинтересовался происходящим вокруг.

В это время Карл, при живом участии конюха, занимался осмотром трупов. Точнее – сбором трофеев.

Лохмотья нападавших вряд ли заинтересовали бы кого-то из городских торговцев, но всякая хозяйственная мелочевка и нечастые ценности – были явно не лишними. Тем более – оружие. Железо и само по себе было недешевым, а уж на оружейное – даже плохонькое – точно нашелся бы покупатель.

Арно, кстати, успел «вернуть себе» зрение, и сейчас суетился вокруг лицензиата.

Прежде чем обыскивать очередного мертвеца, Вольдемар его внимательно осматривал, каким-то магическим способом, и если он радостно кивал – тело оставляли лежать там же, где его застала смерть, если нет – по-быстрому обыскивали, оттащивали в сторону, рубили на два-три куска и только тогда оставляли в покое.

«...Блин, ну да, здесь же магия действует, иногда спонтанная и, почти всегда, недобрая...»

Если не можешь трупы закопать в освященной земле или

сжечь, то хотя бы поруби. Иначе того и гляди кто-то из них встанет, отожрется, и тогда проблем не оберешься. Сейчас, конечно, зима – не лучшее время для хождения мертвецов, замерзают – но к чему ненужный риск, тем более, если время есть? Поленишься, оставишь – особенно у дороги – сам же и набредешь потом на никому не нужные проблемы. В точном соответствии с Всемирным Законом Подлости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.